

ИВАН МИРОНОВ

ВЫСШАЯ КАСТА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Миронов, Иван Борисович.

М64 Высшая каста / Иван Миронов. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с. — (Свобода строгого режима. Детектив-расследование известного адвоката).

ISBN 978-5-04-155715-7

Российские ученые нашли в ДНК «нить времени», на которую, как на камеру, записана жизнь человека. Научное открытие превращается в развлечение — «дримтриппинг», позволяющее любому желающему пожить жизнью приглянувшегося исторического персонажа, растворившись в его сознании и теле.

Генерал ФСБ Виктор Красноперов предлагает своим влиятельным друзьям испытать на себе этот «аттракцион» и сам выбирает для себя маршала Жукова. Его невеста Виктория становится машинисткой легендарного военачальника. «Решальщик» Мозгалевский — Берией, а олигарх Блудов — Сталиным. И-и-и... поехали по замшелым тропинкам истории! Но что же это? История глазами и в потаенных мыслях великих правителей и военачальников выглядит совсем по-другому: другие акценты, другие оттенки, другие смыслы поступков и решений! А чего стоит ощутить на себе изнанку личной жизни бонз!

Но самое страшное начинается в тот момент, когда граница между воображением и явью вдруг начинает стираться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронов И.Б., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-155715-7

ГЛАВА 1

В мир духов нам доступен путь

Доживал свой короткий век другой хрустальный штоф виски, не приближая, однако, и близко к развязке разговор, продолжавший нагромождать одни лишь безответные пока вопросы. Разговор тяжелел, но странным образом нарастающим прессом не пригнетал собравшихся друзей, а все ощутимее манил их острым привкусом риска, зовущей, пугающей, но не отталкивающей, а влекущей опасностью.

Они собрались втроем, привычным кругом — Михаил Арленович Блудов и Владимир Романович Мозгалевский, преуспевающие один в бизнесе, другой в чиновничьем мире не без помощи своего старшего друга — генерала Виктора Георгиевича Красноперова, чьи звезды в линейку на погонах, в понимании друзей, не отражали всей полноты его возможностей.

— Вы когда-нибудь задумывались о самоубийстве? — Генерал щелкнул гильотиной, неаккуратно ободрав верхний смолянистый с серебряным переливом лист сигары.

— С чего вдруг? Мы же православные, — поперхнулся виски Мозгалевский.

— Я помню, — вздохнул генерал. — Это как раз и смущает. Прогуляться бы туда... и обратно, если вернуться захочется. Хотя вряд ли захочется.

— Чего на этот раз? Вискарь несвежий? Или таджики плитку на фазенде не ту выложили? — улыбнулся Блудов.

— Знаешь, Михаил Арленович, почему церковь запрещает самоубийства? — продолжал генерал, не принимая во внимание иронии друга.

— Потому что твоя судьба — это прерогатива Всевышнего, — не то спрашивая, не то утверждая, невнятно буркнул Блудов, предвидя логический тупик.

— Чушь! Скажи мне тогда, почему убить святого или гения — меньший грех, чем расстаться со своей бессмысленной параноидальной жизнью, которая противна даже тебе? Ты можешь вырезать целую обитель, уехать на пожизненное и через двадцать пять лет выклянчить помилование, вернуться в тот же монастырь на покаяние, сдохнуть, и тебя похоронят на благодатном погосте рядом с твоими жертвами. Но если ты сунул голову в петлю, собственноручно избавив мир от маньяка и придурка, то твоей матери-старушке, обезумевшей от горя, добрый батюшка, которого ты, возможно, спас от самого себя, предложит прикопать тело несчастного сына в придорожной канаве.

— Кошунствуешь, Виктор Георгиевич? — усмехнулся Мозгалевский, пополняя стакан.

— Вы не понимаете! Люди не боятся смерти. Они боятся пограничных состояний. Я люблю

океан. Но меня тошнит от четырнадцати часов перелета, от коньячных соотечественников, даже в бизнес-классе жрущих, как дураки на поминках. Ладно, черт с ними. Я не об этом. Мы боимся болезней, тюрьмы, инвалидности, забвения — того, что, как нам кажется, предваряет смерть. Но мы не боимся смерти! Боимся страданий, но не смерти. Боимся нищеты, но не смерти. Если бы она не была самым прекрасным, что подвластно человеку, оберегала бы ее церковь самым жестким запретом? А вдруг смерть — это и есть запретный плод?

— Ага. Ева не яблоко грызла, а собственные вены, — воспротивился Блудов сказанному, но почему-то не так уверенно, как ему хотелось. — Загнался ты, братуха. Поехали завтра в Дивеево. Глядишь, и отпустит.

— А чего ты насчет суицида так завелся, Георгич? — Мозгалевский принялся рассматривать генерала через хрусталь стакана.

— Хочу на тот свет слетать. Но чтобы вернуться обязательно. Это ж как во сне, только дальше.

— Не понимаю, как ты медкомиссию по службе проходишь. Нехило, поди, отваливаешь за правильную справку. — Мозгалевский подмигнул Блудову.

— Я просто могу то, что вы не можете даже представить, а тем более поверить. — Генерал не шутил, и это друзья понимали, но что-то сковывало их дальнейшее любопытство.

— Вера — это оружие наших надежд. Возможность поверить зависит только от того, насколько горячо мы чего-то хотим. Поэтому теоре-

тически мы можем уверовать в твой самый дикий бред, — медленно проговорил Блудов, но совсем не то, что хотел сказать.

— Бред — не мой профиль. — Генерал не намерен был смягчать тон разговора. — И я не меньше вашего не перевариваю психов и одержимых. Тема серьезная, хотя для вас, наверное, странная.

— Тогда уж давай, не тяни, добивай, ведь чуем, что не к десерту нас готовишь, — не выдержав напряжения, сдался Мозгалевский.

— Думаю, для вас не секрет, что мы занимаемся не самыми легальными разработками, связанными, — в повисшую паузу генерал подбирал точную фразу, — скажем так, с расширением сознания.

— То, что ваша контора курирует производство синтетической наркоты на фармацевтических заводах и травит галлюциногенным кайфом Россию и Европу, все и так прекрасно знают. — Блудов попытался рассмеяться. Не получилось.

— Миша, ты, как всегда, всей пятерней в небо. — Генерал энергично хватанул растопыренными пальцами воздух. — Не об этом речь. От КГБ мы получили в наследство несколько лабораторий для опытов над человеческим бессознательным. Официально это был советский ответ на один американский проект, в котором первую скрипку играл некий доктор Эвен Кэмерон, получивший в научное распоряжение живой материал.

— Он ставил опыты на людях? — Мозгалевский крутнул стакан меж ладоней.

— Да, — кивнул Красноперов. — Кэмерон опробовал свои методы в секретных лабораториях

США. Он утверждал, что существуют два ключевых фактора, которые управляют временем и пространством в нашем сознании. Первый — постоянное получение внешней информации, второй — наша память. Используя наркотики и электрический шок, Кэмерон разрушал память, а с помощью тотальной изоляции человека устранял поступление каких-либо сигналов извне. Он доводил сознание людей до состояния чистого листа, оставляя после себя сотни инвалидов. Эти программы финансировало ЦРУ. Естественно, мы не имели права отставать. Однако наши мозгоправы, которых коммунистическая партия бросила на этот неблагодарный участок работы, после развала Союза фактически стали преступниками. На их счету немало неудачных опытов на вполне себе живых людях, превратившихся из лабораторных мышей в диссидентов-героев. Поэтому лучшие специалисты этого жанра предпочли исчезнуть. Кто-то подался к азиатским диктаторам, кто-то полез в петлю, свихнувшись, а может быть, спасаясь от расправы и позора. То, что создавалось десятилетиями, безвозвратно утеряно.

— Никаких архивов? — зачем-то решил уточнить Блудов.

— Только теоретические наработки, общие места, так сказать. Большинство практических методик и результатов утрачено. Никто не захотел передавать новой власти готовые уголовные дела на самих себя. Но кое-что осталось, правда, в рамках чисто прикладных исследований.

— Каких именно?

— Например, охранительных. Всякое там подавление воли генераторами низких частот. Люди

собираются на митинг, агрессивный настрой. Аппаратура включается: публика начинает чувствовать страх и беспокойство. Полчаса — и толпа рассосалась. Но опять-таки все это не очень удачные аналоги израильских и американских разработок.

— А при чем здесь расширение сознания? — Мозгалеvский не отрывал взгляда от раскрученной им янтарной жидкости в стакане.

— Ну, этим занимаемся не мы, а медики, генетики и мозгоправы. Финансирование у этих ребят в два раза больше, чем у всего российского образования, а секретность пуще, чем у всех наших спецслужб. И заметьте главное, одним из приоритетных направлений является изучение снов.

— Дарвин, Фрейд и прочая хрень? — Блудов, считавший себя неплохим аналитиком, пытался определить, куда же клонит их друг, но не мог понять и теперь неудачу свою скрывал за небрежной улыбкой.

— Установлено, — в голосе Красноперова прорезались лекторские нотки, — что человеческий мозг задействует максимум одну десятую от своих возможностей. Это распространяется и на сны. Фрейд, Юнг, Бехтерева описали лишь доли процента общего потенциала снов. Их выводы сомнительны, поскольку не имеют практических результатов. Но вот новейшие исследования ДНК и структуры человеческого мозга привели к революционным открытиям.

— Георгич, мы ж не на лекции. Можно проще, без академизма? — Блудов разлил по стаканам остатки виски.

— Удалось установить взаимосвязь работы нашей памяти и ДНК. — Генерал, не чокаясь, пригу-

бил. — Оказывается, наш мозг подобен регистратору. Он записывает всю поступающую сенсорную информацию, в том числе и время.

— И на летнее время переводится? — съязвил Мозгалевский.

— Часы и минуты — лишь условная мера жизненного потока, — продолжал генерал. — Образ несовершенный и субъективный, это всего лишь человеческая уловка. Но время объективно, постоянно и нерукотворно, оно не может зависеть от человеческого сознания, от шестеренок и маятников. Настоящее время — это энергия, последовательная и бесконечная, которая не измеряется часами и годами.

— А чем тогда? — непроизвольно бросил взгляд на свой Vreguet Владимир.

— Если бы я знал, то мог бы из времени синтезировать информацию. А это уже нечто среднее между Нобелевской премией и мировым господством. Но мы уже где-то рядом. Нам удалось установить, что ДНК фиксирует эту энергию. Каждая подобная макромолекула в нашем организме «пишет» нашу историю.

— Ничего себе объемчики! — присвистнул Мозгалевский.

— По сути, не так и много, даже с точки зрения нашего отстающего от Создателя прогресса. Сто лет — это где-то 880 тысяч часов. В среднем на один час более-менее качественной записи требуется один гигабайт памяти. Так что на человеческий век нужно всего-навсего 860 терабайт. По сравнению с предполагаемыми объемами ДНК ничтожно мало.

— Получается, что в останках любого человека можно отыскать запись всей его жизни? — Блудов вдруг почувствовал, как сквозь мутное умничанье проглянула суть разговора, то, ради чего и собрал их сегодня друг.

— Именно! Причем энергия времени заложена в ДНК в виде уникального кода, подобного географическим широтам распростертого на все человеческие судьбы. Но пока для ученых это всего лишь биологическая нить в электронном микроскопе, которую нельзя ни промотать, ни просмотреть, а только лишь сопоставить с жизнями современников.

— Если из ДНК нельзя извлечь информацию, то какой во всем этом смысл? Дай мне бюджеты, я тебе каждый день буду подобные открытия делать. — Что-то очень важное вновь ускользнуло от Блудова, и он уже привычно растворил растерянность в иронии.

— Если информацию нельзя получить посредством зрения и слуха, это не значит, что она недоступна сознанию. — Генерал выдержал паузу, проследил, доходит ли до друзей им сказанное.

— Остается только ректально, — скривился Мозгалеvский.

— Чужую генетическую запись можно ввести в мозг напрямую. — Красноперов снова сделал паузу и добился своего.

— Как?! — Хор друзей заставил генерала улыбнуться.

— Если совсем примитивно, то это выглядит так. Тебе делают что-то отдаленно напоминающее лоботомию. К вестибулярным ядрам продолговатого мозга подводятся микроэлектроды. Затем пускают

разряды, которые обеспечивают определенное возбуждение нужного участка мозговой коры. А дальше в шишковидную железу делается специальная инъекция, состоящая из генетической вытяжки выбранного образца, синтезированного с группой психоактивных веществ. И во сне ты начинаешь жить чужой судьбой, привитой тебе, словно оспа младенцу.

— Наркоманы хреновы! Удумали историей колотья! Да ты гонишь, Георгич! — Блулов ощутил холодок под грудиной.

— Вместо собственных снов живешь чьей-то жизнью? — Какой-то неведомый прежде азарт охватил Мозгалевского.

— Можно и так сказать. Тебе прививают фрагмент чужой биографии, которую ты видишь в собственных снах. И каждый твой сон является продолжением предыдущего.

— И с какого момента мне станет сниться чужая жизнь? Не с пеленок надеюсь. — Мозгалевский не выдержал, вскочил с кресла, заходил по комнате, делая боксерские нырки.

— Временная нить появляется практически сразу с момента зачатия, на первой стадии формирования эмбриона, и прерывается примерно на третий день после смерти. Но специалисты могут имплантировать тебе любой фрагмент, подобрав самый интересный возраст и эпизод.

— А когда тебя отпускает? — Блулов все еще не мог поверить в реальность сказанного генералом.

— Все зависит от специфики организма и концентрации вводимого вещества. От месяца и выше с возможностью продления. Платить такие деньги за недельную дозу просто нет смысла.

— И насколько дорогое удовольствие? — живо заинтересовался Мозгалеvский.

— Дорогое. Как все волшебное и противозаконное. Сама операция семьсот тысяч «зеленых». Плюс стоимость материала. Здесь все зависит от вашей фантазии. Генетическая вытяжка из праха твоего дедушки обойдется тысяч в пятьдесят.

— А бабушки? — думая совсем о другом, автоматически брякнул Владимир.

— Не дороже, но я бы не советовал. Половое раздвоение может спровоцировать необратимые последствия для психики и привести к потребности смены пола или гомосексуализму.

— Ну а Пушкиным?

— Все зависит от доступности захоронений. В России этим занимаются люди из ФСО в качестве дополнительного заработка. Поэтому еще за полмиллиона баксов тебе отроют хоть Бориса Годунова. Ленин — это вообще не вопрос. Наковыряют из мумии. Там есть еще живые клетки.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Ленин живее всех мертвых на земле. У него растут волосы, ногти, костюмы изнашиваются. Одни кивают на дьявольские козни, другие — на выдумки химиков. Но я не стал бы вводить в себя Ленина. Препарат из Ильича использовали на тестах. Четверых подопытных мигрантов потеряли в течение месяца — два суицида, одно кровоизлияние в мозг, четвертый просто обезумел.

— А Чингисхана можно?

— Да хоть Мао Цзэдуна! Но уже на порядок дороже. Это в России взял лопату, лом, ксиву — и любые кости в твоем распоряжении, а осквернением

иностранных могил у нас Служба внешней разведки промышляет. У них и аппетиты выше, и гонорары. За любой мало-мальский риск клянчат Золотую звезду Героя, а это еще дополнительные расходы. Зато с такими снами любой язык за месяц освоишь: хоть китайский, хоть древний монгольский в совершенстве.

— А много уже таких... пассажиров, что ли?

— Половина нашей элиты, как пить дать. Президенту сначала Петра I вкололи, сейчас Махатму Ганди смотрит, опять-таки по слухам. Премьер качнул в себя Наполеона, через неделю начались истерики, видите ли, спать страшно стало. Чуть проект не закрыли. Сейчас ему Стива Джобса пообещали, вроде успокоился.

— Сатанизм какой-то. — Михаила передернуло.

— Всего лишь наука. Мы не воскрешаем людей, мы только оживляем их чувства. Сам Святейший благословил. Поговаривают, заказал себе сны папы римского Александра VI. Короче, предлагаю вам составить мне компанию.

— Куда? — все тот же дружный хор.

— В историю! — Генерал вновь не сдержал улыбки. — Мне сейчас надо ехать, а в субботу жду на даче.

ГЛАВА 2

Юная особь

Виктория в отличие от большинства нежных особ, представляясь новым знакомым, к своим еще свежим годам присовокупляла несколько лет, чтобы слегка упираться головой в тридцатник. Она

стеснялась своего настоящего возраста, явно недотягивающего до окружающей ее кричащей роскоши. Девушка уже завязала с проституцией, по крайней мере так считала. Она давно занималась бизнесом, весьма успешно, по крайней мере так считали окружающие. Вика усиленно боролась с моральным бременем содержанки, донимавшим ее, как донимают солдат раны ампутированных конечностей, и периодически вступала в бой с женами своих благодетелей. В отличие от собаки, осмелевшей облаять хозяйку в минуту ревности к хозяину, получив пинка, Вика не возвращалась на место, поскуливая и поджав хвост, но гордо удалялась прочь, вынашивая план коварной мести, который зрел ровно до встречи очередного поклонника.

Хотя Эдуард Зиновьевич, последний кавалер Вики, которого она оставила полгода назад, и поступил благородно, заплатив банку полмиллиона долларов — остаток кредита за апартаменты в жилом комплексе «Алые полюса», девушка считала его бесконечным скрягой, научившись измерять щедрость мужчин не своими желаниями, а их возможностями. Квартира действительно была великолепна. Двадцать третий этаж, панорамные окна с видом на речную пойму затмевали дурную славу роскошного муравейника «неземных» человек.

Строгинский канал, взрывающийся живым серебром скуку зеленых равнин, являлся творением советских каторжан. Тела «сгоревших» на работе и расстрелянных эков-землекопов сваливали в могильники, вырытые по соседству. Когда же не доставало камня для укрепления берегов, то, как утверждают злые антисоветчики, с окрестных кладбищ

экскаваторами и тракторами собирали весь могильный мрамор памятников и плит с косточками в довесок. Во время стройки «Алых полюсов» нашли останки одиннадцати расстрелянных бедолаг, что по тогдашней ельцинской моде грозило обернуться уродливыми мемориалами и шумным паломничеством либеральных плакальщиков, что не входило в планы либерального бизнеса. Поэтому останки вместе с мусором загрузили в самосвал и вывезли на ближайшую помойку. Ровно через год на месте стройки случился пожар, в пламени которого сгорело одиннадцать работяг. Чтобы освятить проклятое место, пригласили отца Стефана из Троице-Лыкова. Спускаясь в подвал «Алых полюсов», священник сломал руку. Через неделю прибыл новый батюшка. Но стоило только ему начать молитву, солнечный день оглушила буря, песчаный вихрь ворвался в подвал, затушив свечи и засыпав песком чашу со святой водой. Батюшка побледнел и спешно ретировался. С тех пор несчастья сопутствовали стройке: разбилось, сгорело, сорвалось с высоты не меньше тридцати человек. Уже и после окончания строительства мертвецы не переставали мстить нарушившим их покой и оскорбившим память. С жуткой регулярностью и без видимых причин жильцы «Алых полюсов» ныряли с балконов и выходили из панорамных окон. Не вдаваясь в биографию дома, соседи погибших списывали прыжки в вечность на скуку и наркотики.

Вика не стала исключением в утверждении Бальзака, что куртизанки по природе монархистки, щедро оплачивая политической благонадежностью очередь охочих до безграничных утех, свихнув-

шихся от денег и фармакологических радостей чиновников, ментов и коммерсантов. Конечно, ее не могло не тяготить сотрудничество с ФСБ в сборе компромата на клиентуру. Однако она ценила полууважительную полудистанцию, которую держали чекисты, и была благодарна им за ненавязчивость задач. Тем более служители Лубянки никогда не покушались ни на состояние, ни на тело девушки. Их интересовали только информация и контроль. Для этого они объединили всех красавиц, приторговывавших собой, в так называемую сеть безопасности, суть которой состояла в том, что дама, решившая самостоятельно покорять панель без помощи «крыш», сутенеров и борделей, должна зарегистрироваться в Интернете в специальной закрытой Сети. Когда ей звонил клиент, она вбивала его номер телефона в систему и моментально получала отзывы всех шлюх, к которым имел неосторожность заглянуть сей искатель продажных ласк. Сделав запрос, она должна оставить и свой отклик. Таким образом, программа содержала специфическую информацию о клиентской базе дорогих столичных путан. Имея доступ к программе, которая писалась явно по заказу ФСБ, можно с легкостью установить благосостояние, склонность к наркотикам, особенности характера, маршруты передвижения и любимых девочек клиента, имевшего легкомыслие засветить свой номер. База открывала неограниченные перспективы для оперативно-разыскных мероприятий, вербовки, сбора компромата, подстав и провокаций.

Вика в душе уже давно склонялась к затворничеству, несмотря на то что жила свиной жизнью,

словно боясь света и трезвости. Она старалась ничего не загадывать, считая, что глупо задумываться о завтрашнем похмелье.

Девушка любила книги. Сначала она подходила к чтению сугубо утилитарно, справедливо рассуждая, что начитанная и эрудированная шлюха будет производить фурор среди зажатых удовольствиями, но не самых глупых мужиков. Потом втянулась: она находила в книгах философскую отдушину среди человеческой грязи высшей пробы.

Вика строго следовала в фарватере гламурной моды и к своим годам протащила и без того безупречное тело чрез все испытания пластической хирургии. На свой двадцать четвертый день рождения она даже заказала у одного из любовников новые зубы, посчитав, что родные слишком поизносились куревом, кофе и амфетаминами. Хирургические опыты прибавляли ей глянца, возраста и внешней пошлости, уплотнив и укрепив ряды поклонников, особенно среди государственных мужей кавказских республик и Средней Азии. Продажные знакомства делали ее желанной на всех светских вечеринках, из которых Вика предпочитала околобизнесовые и околполитические. Уже три года кряду она традиционно блистала на закрытых тусовках Международного экономического форума. И несмотря на то, что конкурировать с нетрадиционными мальчиками за похотливое покровительство кремлевских дядек становилось все сложнее, с пустыми руками домой она никогда не возвращалась.

Последним экспонатом ее коллекции стал господин генерал грозного государева приказа. По-знакомились они банально — в ресторане бутыл-

кой «Дом Периньон» от соседнего столика. Как ни парадоксально, привычное знакомство не привело к оперативному физиологическому вмешательству. Отношения складывались неспешно, тепло и сдержанно. Ни он, ни она не форсировали близость, словно оберегая себя от очередного падения. Они наслаждались общением, находя в нем непознанную оригинальность и интригу, отсрочивая известную до изжоги развязку. Эйфория блуда одинакова, и неважно, к кому она обращена. В ней нет глубины, есть только дно. Блудная страсть подобна наркотику, но осознать это может только наркоман, собравшийся сорваться с кайфа.

Еще не решившись претендовать на сердечную тиранию, Вика была крайне аккуратна в звонках, скидывая нейтрально-деловую эсэмэску и ожидая перезвона, который обычно следовал незамедлительно.

— Привет, не спится? — проскрипел в трубку генерал.

Вика отметила про себя с трудом уловимые беспокойные нотки и решила, что момент для разговора выбран не совсем удачно. Однако ее предложение перенести разговор собеседник встретил искренним протестом.

— Я просто звоню узнать, как дела. Представляешь, заказала еду. Привезли супчик, рыбку, туда-сюда. А у меня привычка есть в постели. Ну вот, выключаю свет, залезаю под одеяло, распаковываю свой ужин, и вдруг сообщение с незнакомого номера: «Приятного аппетита!» Я чуть не поседела. А это, оказывается, курьер-придурок решил прогнуться.

— Трусиха, — смехом отозвался генерал.

— Дело не в этом. Не страшно ходить ночью по кладбищу, страшно чихнуть в пустой квартире и услышать «Будь здорова!».

— Наверное, — зевнул генерал, пропуская мимо слова подруги.

— С тобой все в порядке?

— Да, конечно.

— Мы сегодня можем увидеться. У меня через полчаса запись на массаж. Я освобожусь...

— Викусь, не получится. Плохо себя чувствую. Надо пораньше сегодня лечь. — Генерал не любил врать, считая это чем-то недостойным себя, а оттого прибегал ко лжи лишь в крайних случаях и лишь к равным себе. В Вике генерал видел только занятную интрижку, и убивать непринужденность общения бременем мелкого лукавства он не собирался.

— Что-то серьезное? Может, апельсинов привезти?

— В норме. Просто надо выспаться.

Сухо попрощавшись, легким мазком полутон подчеркнув задетое самолюбие, девушка отключилась. Мысль, перебиравшая варианты, как развеять непривычную ночную скуку, то и дело спотыкалась о шершавый разговор с Виктором. В конце концов, обозлившись на него и себя за испорченное настроение, Вика откупорила бутылку «Гави», отключила телефоны и возлегла на диван с початым томиком «Анны Карениной». Двухдолларовая купюра, служившая закладкой, отмеряла сто страниц романа. Вика пыталась продолжить когда-то заброшенное чтение, однако из

всех обрушившихся на нее имен она с уверенностью опознавала лишь Анну Аркадьевну и Алексея Кирилловича. Прожевав без аппетита несколько абзацев, девушка осушила бокал вина и, вздохнув, начала книгу с первой страницы. Примерно через час, наскучившись охотой Левина и Вронского до каких-то глупых баб, Вика, отбросив роман в сторону, схватила телефон. Бутылка вина иссякла, хмель и бессонница хозяйничали в голове девушки. Она писала генералу. Ответа не последовало. Покрутив в руках айфон и покусав губы, она все-таки набрала номер. Абонент был отключен. «И в метро он не ездит!» — резюмировала Вика, закинулась снотворным и полезла под одеяло.

ГЛАВА 3

Ничто так не связывает людей, как пороки

Что их объединяло? Странное презрение к жизни и ко всему ее наполняющему. К своему пятому десятку, а им троим и было примерно по сорок пять или чуть более в целом безмятежного существования, каждый из них успел обзавестись состоянием, державным кабинетом и образцовой для нашего времени семьей, оставить которую не позволяли общий ребенок и общая собственность. Они были элитой. Стратегическим авангардом президентской стабильности. Их имена не звенели в «Яндексе», их знали только те, кто сталкивался с ними лично.

Самый младший из них, Владимир Романович Мозгалеvский, возглавлял какой-то московский департамент. Служба его тяготила. Кроме денег, грехов и зависимостей, она ничего не приносила.

После школы папа, командующий красноярским филиалом ФСБ, выписал Володе генеральскую путевку в МГИМО с ключами от столичной недвижимости и «Мерседесом» на непроверяйках. Парень мечтал стать журналистом, но отец прочил юноше карьеру дипломата, благо Володя, несмотря на высокие соблазны, учиться любил. К своему выпуску, на радость семье, он не женился, не сторчался, но послом так и не стал, выдвинувшись, не без помощи родни, на передовую бюджетных распилов. Спустя пару лет жениться все-таки пришлось на несоблазнительной одногруппнице, чей папа Евгений Самойлович стал для Владимира новым причалом в бюрократической стихии отечества. Отец-чекист, к тому времени почетный пенсионер, выбор сына не одобрил, но принял с покорностью нищего. Свадьбу сыграли в Марбелье, на вилле у родителей невесты. Уже к тридцати годам Владимир владел двумя особняками в Подмосковье, тремя квартирами в Москве и апартаментами в районе старой Ниццы. Родилась дочь, чернявенькая кривоzubка с врожденной патологией, унаследованной по линии матери. На этом Владимир генетические опыты решил прекратить, скрываясь от семьи в трудах и тусовках, нередко сталкиваясь в «Раю» и в «Сохо» со своей суженой.

Потом пошли девки и кокаин, которые быстро превратились из наслаждения в привычку. От тухлого блеска спасали книги, которые Владимир проглатывал взахлеб. Он предпочитал советскую историю, обожал Сталина — одну из немногих симпатий, привитых ему отцом. По взглядам Мозгалевский-младший был государственный, уважал Путина, хотя никогда и не голосовал за него, считая выборы уделом лохов. Он ненавидел коммерсантов вообще, а своих собратьев-чиновников в частности. Ненавистью и презрением к ним, как к классу, оправдывал Мозгалевский неумность собственного аппетита до взяток и откатов, которые ему несли чемоданами. Чиновники представлялись Владимиру племенем крыс, грызущих трюм Родины. Себя он видел матросом этого корабля.

Были ли у него друзья? Вряд ли. С чего вдруг? Друзья — это плоды испытаний и плоды невзгод. В школе он был неразлучен с Васькой, друг за друга всегда и везде. В одиннадцатом классе Володя приревновал подругу к парнишке из соседнего двора, слово за слово — забили стрелку. Они пришли вдвоем с Васей, против них целая кодла. Вова недолго думая достал нож. Соперник выжил, но почку пришлось удалить. Замять дело вчистую не смог даже всесильный отец. Крайним пришлось сделать закадычного друга. Володя уехал учиться в Москву, а Вася — мотать срок на малолетку. Судьбой друга он больше не интересовался, удовольствовавшись обещанием отца помочь Василию вскорости выйти.

Москва прельстила Вову и новыми друзьями, и необъятными горизонтами. Оказавшись в хороше отпрысков лучших людей страны, он тянулся

до них как мог, уже не чувствуя под ногами землю. Эскалация возможностей — деградация желаний, которые износили душу, испортили кровь. Вечное сияние столицы — сияние пустоты и цинизма: люди-фантики и люди-звери. А он метался между двух лагерей, мирно пожиравших друг друга.

* * *

В отличие от Владимира, Михаил Арленович Блулов душою не болел, по крайней мере не обследовался. Он жил легко и быстро, на длинном вздохе. Миша искусно воплощал в себе несочетаемое. Нестовую веру и неумный блуд, слезную жалость к бездомным животным и безмерную жестокость к потерпевшим, проходившим по его уголовным делам. Он был прекрасный семьянин, образцовый муж и заботливый отец, в том числе и для семей, им когда-то оставленных. Бандитские девяностые крепко рихтанули судьбу и психику нашего героя, оставив на память пару лицевых шрамов, рассеченную автоматной пулей голову и несколько погостов друзей. О мятежном десятилетии он вспоминал не без удовольствия, но и без ностальгии.

Миша горел мгновением. Страсть и пороки без жадности разменивал на покаяние и молитву. Шел к исповеди подобно самосвалу, свозившему грязный снег на переплавку, чтобы потом налегке устремиться за новым грузом. Бандитизм остался в прошлом вместе с погашенными судимостями. Блулов вовремя успел покинуть эту кипящую страстями стихию, устремившись в солидный бизнес. Братьев по оружию, застрявших в терках и качал-

ках, он считал пещерными гопниками, прикидывая, кого из них примут следующего. Обществу воров он теперь предпочитал общество генералов, хотя свято чтит дни рождения как первых, так и вторых.

Михаил жил на два города. В родном Смоленске процветала крупнейшая сеть супермаркетов, молочный заводик, колбасный цех, десяток заправок и аптек. По городу гремели стройки, полностью контролируемые Мишей. Председатель смоленского заксобрания, вице-губернатор и смотрящий за областью от братвы были преданными собутельниками. Депутатский мандат «Единой России» в следующий созыв Госдумы был выдружен и оплачен. Три уголовных дела успешно развалены и ровно столько же построено храмов при попечительстве Михаила Арленовича Блудова. Впрочем, юг Франции он навещал гораздо чаще, чем отчий регион. Он, как и Мозгалеvский, верил в Путина, в силе признавая правоту.

Михаил не любил «черных», однако ежемесячно платил дань местной миграционной службе за своих таджикских рабов, поднимавших жилищный фонд области. Он верил в Россию и стабильность, не видя в них будущего для своих детей. Но, вопреки желанию бывших супружниц, Михаил оставил семью в России, дочерей пристроив в МГУ, а сына — в Суворовское училище. Сытость мозолила Мише национальную гордость, вместо боли рождая скуку и апатию. Он разучился восторгаться и страдать. Желудочный сок разъедал совесть, оставляя от нее понты и понятия. Мишу уважали все, кроме него самого. Все думали, что он бежит, но его несло. Куда? Миша не знал сам, но боялся берега.

Володю Мозгалевского ему порекомендовали как серьезного решальщика. И правда, все вопросы были улажены, деньги с лихвой оправданы. Пара попок их окончательно сблизила. Устав от собственного окружения, для всех одинаково чужие, они тянулись к новым знакомствам, в поисках себе похожих. Конечно, в этой дружбе каждый видел и грядущие возможности. Однако взаимно пьянствовать ради карьерных перспектив для новых товарищей было пошло и неинтересно. Друг в друге они разгадывали собственные грехи, пытались отыскать им оправдание. Их разговор занимали история и политика, иногда робко влезали литература и философия. Друзья спорили, горячо и матерно, но поскольку их взгляды в целом были однойцевые, то при единстве предмета несогласия спорящие стороны периодически противоположно менялись.

* * *

Спор на двоих — диалог идиотов. Даже если ты не уверен в собственной правоте, у тебя хватит гордости стоять на своем до конца. Тщеславие всегда затмевает истину. Смысл всякого спора — не убедить друг друга, а перетянуть на свою сторону сомневающихся зрителей. Поэтому для любой дискуссии, как и для любой дружеской компании, нужен как минимум третий. Третьим стал Виктор Георгиевич Красноперов — генерал Федеральной службы безопасности, сделавший блестящую карьеру офицера и бизнесмена. Стезя коммерции давалась ему особенно легко, поскольку чекистские погоны не только решали вопросы и открывали

двери, но и освобождали от многих ранее взятых на себя обязательств. Свой первый миллион евро он заработал чуть раньше подполковничьих звездочек. Виктор Георгиевич курировал несколько «президентских» фондов, ветеранских и спортивных ассоциаций, служивших надежными финансовыми инструментами для привлечения внебюджетных средств. Он не любил крышевать, ему нравилось покровительствовать. К нему шли как к государеву человеку — с поклонами и дарами, почитая господина Красноперова реинкарнацией Малюты Скуратова. В делах семейных он был небрежен, в делах сердечных — неразборчив. Благо дети, выросшие в казарменной строгости, папаню особо не тревожили. К товарищам своим — Мише с Вовой — он относился с братской любовью старшего и мудрого. Они вместе отдыхали, отмечали праздники и поводы, иногда встречались в спортивном клубе. А познакомились на каком-то высоком банкете.

Разнообразие дел, игривый риск и тотальное низкоклонство превратили жизнь генерала в бесконечный Лас-Вегас. Он не скучал, но больше уже не удивлялся. Его существование напоминало остросюжетную компьютерную игру, которую он проходил по пятому кругу. В вечном поиске адреналина он даже поучаствовал в контртеррористической операции на Северном Кавказе, убил двух ваххабитов, пару раз шмальнул из «мухи» по дому, в котором засели террористы, погонял на «Тигре», за что был удостоен ордена Мужества. Потом в Казахстане на вертолетах стрелял архаров, потом на Галапагосах ловил марлина...

Сочетание успеха и порядочности в России — это извечная борьба и единство противоположностей. Человек разумный и успешный соткан из парадоксов, обостряющих хроническую русскую совесть, лекарство от которой наши пороки, имеющие для души те же побочные эффекты, что и антибиотики для организма. Потомственный офицер Красноперов, зная власть изнутри, никак не мог ее любить. Но в то же время власть дала ему все насущное, вознесла и обогатила. Себя он видел похожим на Владимирского князя, отхватившего в Орде ярлык на великое княжение, знатного и могущественного, но с закабаленной славой и волей. Кстати, княжество у него было пятьдесят тысяч гектаров тверской земли вместе с разоренными фермерскими хозяйствами, серыми деревеньками, охотхозяйствами, сорняковыми полями и затянутыми в тину прудами. Господская резиденция, представлявшая сложную систему особняков, бань и домиков для прислуги, помпезно высилась на волжском утесе. Река здесь проходила крутым заломом, целуя берег золотистыми песчаными губами, с бархатной тенью ила. Местный губернатор побаивался Красноперова, закрывая глаза на забавы опричника и его близких: всепогодную охоту в заповедных угодьях, побои ментов и местных чиновников. Пришлось простить даже погром двух азербайджанских ресторанов, принадлежавших зятю главы областного суда.

В своем имении генерал появлялся регулярно, не жалея времени на дорогу, — оставаться на ночь в Москве он не любил.

ГЛАВА 4

Рискуй, играй и попирай закон

Из леса вышли двое. Направились к поселку, хотя поселком назвать его было трудно, скорее хутор. Четыре небольших двора и огромное имение за забором, оснащенным всякими техническими премудростями и отсеченным крутым обрывом Волги. Возле пятиметровой ограды ютилась кирпичная избушка с разбитым вокруг нее яблоневым садом. Смахнув крючок, один из незваных гостей толкнул калитку и, о чем-то перешептываясь со спутником, направился к дому. Они не спешили, на ходу натягивали шапки-маски и доставали из-за пояса «стечкины». Хозяин жил один и без собаки, и, видимо, гости об этом знали.

Водка была уже ополовинена, на столе разбросаны куски талого сала, зелень с размазанной на листьях огородной грязью и гроздь бледных помидоров. Дополнял натюрморт небритый мужик с разухабистой рыжеватой физиономией, вполголоса ругающий телевизор. Ствол, приставленный к голове, застал его врасплох, но без страха, слез и обморока. Матерно приветствовавшего незнакомцев Агафона Семеновича тут же репрессировали двумя ударами в печень, а затем привязали к стулу садовым скотчем.

— Зачем пришли, суки? — пользуясь пока еще незаклеенным ртом, рычал Семеныч. — Денег все равно... — Он осекся, хотел сказать «нет», но гордо выдавил «не дам».

— Слышь, дед, пытать мы тебя сейчас будем. — Налетчик говорил с явно деланным кавказским акцентом, дыша перегаром в ухо Семенычу.

— Внучок хренов, ты, когда отдуплишься, поздно уже будет! Ты на кого наехал! Я ж тебя с говном схавую, кадык откушу, ноги вырву!

— Красноперова знаешь? — «Маска» привела Семеныча в чувство то ли пощечиной, то ли вопросом.

— Нет, не знаю такого. — Хозяин явно погрустнел.

— Сосед это твой, собака старая! Ну! Знаешь?

В ответ мужик лишь мужественно молчал, героически дергал глазом, наблюдая, как второй налетчик налаживает его старенький утюг.

— Ты партизана здесь не включай. Живым все равно не отпустим. Все расскажешь или сдохнешь в муках адских. Кишки свои увидишь и мясо жареное понохаешь.

— Не знаю я такого, — сменив тактику, захныкал Семеныч. — Ребятки, отпустите меня. Ну, сами подумайте, где я, а где Красноперов. Откуда мне его знать?

— Хнычь не хнычь, — ласково заржал боевик, — а сдавай соседа по-быстрому, и закончим твои страдания. Когда он домой приезжает?

— Не знаю, — ныл хозяин. — Хошь пытай, все равно не знаю.

— Джабраил, ставь утюг. Будем деда жарить! — крикнул злодей товарищу, который послушно воткнул вилку в розетку.

Но в ту же секунду окна брызнули стеклами, полетела входная дверь, и в комнату, кто в окно, кто в дверной проем, один за другим вкатились перекатом пятеро бойцов. Отшвырнув в сторону

хозяина, они принялись за гостей, уложив на пол и заковав в наручники.

— Витя... Виктор Георгиевич, родненький. — Счастливо освобожденный дед рыдал в полевой генеральский погон. — Эти суки ведь по твою душу пытали, но я им ничего...

— Чуть не опоздали. — Красноперов плюнул на зашипевший уют.

— Георгич, дай я их кончу! — заорал хозяин в ответ.

— Кровожадный ты мужик, но справедливый! Как хочешь, право твое. — Красноперов передернул «калаш» и вручил его Семенычу.

И тот с яростным рыком разрядил обойму в скованных гостей. Парни подергались в предсмертных конвульсиях под рассыпной звон гильз и застыли.

— Уходим, — приказал Красноперов и направился к сломанной двери.

— А чего с мертвяками-то делать? — замычал вдогонку Семеныч.

— Что хочешь, то и делай. Хочешь — чучело, хочешь — в огороде закопай. Помогли бы тебе, да некогда. Сам справишься.

— Вон они какие кабаны отожратые. Я их из дома-то не вытащу, — обескураженно залепетал дед.

— На куски поруби. Делов-то!

Семеныч, тяжело вздохнув и перекрестившись трясущейся рукой, покорно достал топор и направился к казненным.

Смех сотряс разгромленное жилище. Громче всех веселились ожившие трупы, стягивавшие с себя наручники и маски.

— Ну и мудака ты, — злобно выдавил Семеныч в сторону Красноперова.

— Кто?! — генерал оборвал смех.

— Вот этот, — быстро сориентировался дед, ткнув топором на им же «убиенного», которым оказался Миша Блудов. — Утюг, падла, хотел на меня ставить. — Он поник окончательно, тут же одним махом через горлышко допив бутылку.

— Это тебе за беспокойство и на ремонт. — Красноперов по-барски швырнул на стол несколько купюр, явно раздосадованный оскорблением, услышанным бойцами.

Он посмотрел на ребят — та же братва, только в званиях и на службе. Сколько с ними пройдено. Каждый предан, каждый обязан. Кто награжден, кто ранен, но почему-то ни в ком из них он не был так уверен, как в этом старом алкаше-соседе, презирующем власть и его, Красноперова, вместе с ней, но так и не сумевшем переступить через предательство.

ГЛАВА 5

Бойтесь своих желаний

— Кремневый дед-то оказался! — подытожил Мозгалевский, играя со «стечкиным». — Просто Ковпак какой-то. Расстрелял нас и глазом не дернул.

— Откуда они берутся, такие порядочные? И, главное, чужие. Я своих сколько ни кормлю и ни грею, а сдадут с потрохами первому же следова-

телю, — Миша хлебнул холодной водки, закинув следом кусок буженины.

— Им просто другими быть запаadlo. Они одинаковые. Одинаково порядочные, одинаково искренние, одинаково злые. Они даже врагов и жен бьют одинаково. — Красноперов отнял у Владимира пистолет и спрятал его в поясничную кобуру. — Вот Семеныч меня не сдал — порядочный. Но если в России снова начнется семнадцатый, он же меня первый и пристрелит, как тебя с Вовкой. И тоже во имя справедливости. Он ненавидит всех нас за всю эту сладость и чрезмерность.

— Да ладно, Георгич, не преувеличивай. Назвал тебя мудаком и испугался больше, чем нас вместе с утюгом.

— Не меня он испугался, а своего бессилия передо мною. К чему героизм, когда нет ни единого шанса? А был бы у него хоть один боевой патрон, и разговор бы другой получился. Думаю, под мою дачу у него канистра с солярой уже припасена.

— Зубастые у тебя крепостные, ваше благородие, — выдал Блудов, налегая на бараньи ребра, и мечтательно продолжил: — Жарко здесь и скучно! Во Франции сейчас хорошо.

Они сидели на широкой террасе, с которой открывались безудержные русские просторы, прошитые стремительной нитью Волги. Крышу подпирали резные столбы в виде языческих идолов. Под самой кровлей висел лик Спасителя.

Бесконечно менялись блюда и открывались бутылки. Люди подъезжали и уезжали — поздороваться, выпить за хозяина, напомнив о себе. Красноперов был радушен, но дистанцирован. Всех уго-

щал, но не со всеми пил, искренне радуясь только Мозгалевскому и Блудову.

— А вот и наша Виктория! — Мозгалевский встал, первым заметив поднимающуюся на террасу даму.

— Классные у вас страусы, Виктор Георгиевич, — вежливо улыбнулась девушка, подсевшая к генералу.

— А мы сейчас, Викуся, скажем, чтобы страусиную яичницу сделали. Мясо у них собачье, а вот яйца мне нравятся.

— Спасибо, не надо. Я уже сыта. Пожалуй, разве только чуть-чуть вина.

И тут же, словно джинн, за ее спиной возник официант с бутылкой холодного «Просекко».

— Мне через месяц тигрят уссурийских должны привезти. Я уже огородил под них гектар леса. Приезжай с кисками поиграть, пока они еще маленькие.

— Не многовато — гектар? — удивилась девушка.

— Маловато. На воле тигр нарезает себе земли до 800 квадратных километров, метит ее как собственную и хозяйничает на ней. Поэтому мой гектар им будет как угол в клетке. Хотя все упирается в привычку, как всегда.

— Георгич, давай вернемся к экспериментам со снами, — хрустнул пальцами Блудов. — Я тут и так и сяк подумал, а действительно, почему бы не попробовать?

— Всяко интереснее, чем рыбалка и... — Мозгалевский взглянул на девушку. — Чем мужиков страшать автоматами. Да и возлияния все эти на-

доели. Георгич, ты рассказал бы нам детали, а так только воду намутил.

— Да, в принципе, все просто. Делают нам всем по уколу в голову, и мы идем смотреть сны о судьбах канувших в Лету выдающихся товарищей. Причем, чтобы не было скучно, можно не разбивать наш коллектив даже во сне.

— Это как?

— Сны можно совместить. Как я уже рассказывал, ДНК содержит атомарную нить, которая является генетическим датчиком времени. На всей своей протяженности нить уникальна, она не повторяется, но постоянна для всех. Наши специалисты научились сопоставлять разные судьбы по временной нити, как отпечатки пальцев. Как бы вам объяснить... — Генерал прервался, подумал. — Вот представьте, что есть, скажем, Ваня и Петя, которые жили приблизительно в одно время, поэтому у них приблизительно одинаковые временные нити. Так вот, можно сопоставить их общий промежуток жизни по абсолютному совпадению этих нитей. Затем найти любой понравившийся вам идентичный заусенец и с этого момента параллельно запустить два сна из жизни Вани и Пети.

— А девочек берете с собой? — прошептала Виктория, прильнув к генералу.

— Не боишься, милая? — Красноперов нежно приобнял подругу.

— Если с тобой, то нет. — Девушка обольстительным шепотом скользнула по щеке своего кавалера.

— Тогда нам остается лишь выбрать доноров памяти, внести наличные, сдать анализы и через пару недель дружно явиться на операцию.

— Операцию? — скривился Владимир.

— Скорее процедуру, ничего сложного и рискованного. Займет не больше получаса.

— И где проводят нынче подобные опыты? — с наигранной бравадой в голосе спросил Блудов.

— Сами увидите, а пока это государственная тайна.

ГЛАВА 6

Пучины покрыли их, и они пошли в глубину, как камень

Оставив машины на спецстоянке Васильевского спуска, друзья в сопровождении Вики подошли к Спасской башне, где их уже дожидались трое в штатском, отличавшиеся от снующих прохожих беззаботными и даже отстраненными лицами. Они уважительно поздоровались с Красноперовым и дежурно с его спутниками, пригласив следовать за собой.

За Мавзолеем из кремлевской стены скромно выглядывала дверь, через которую живые вожди проходили к усыпальнице. Последние архитектурные новшества Мавзолей обрел при Брежневле. Когда Леонид Ильич уже не мог бодро покорять гранитную трибуну, к заднему торцу коммунистического святилища приделали мраморную пристройку под эскалатор для немощного вождя. А чуть дальше друзья увидели скрытый от глаз посетителей Красной площади бетонный бункер. Спустившись по узкой лестнице, они оказались в коридоре, залитом ярким искусственным светом. Справа и слева рас-

полагались закрытые кабинеты с номерами и без табличек.

— Александр, — подозвал Красноперов одного из сопровождающих.

— Слушаю. — Офицер слегка прогнулся, похоже, стеснялся своего роста перед генералом.

— Давай ребятам сначала хозяина покажем.

— А ВВ тоже здесь? — ляпнул Миша, улыбувшись глупой остроте.

— Нет пока, Мишаня, — усмехнулся Красноперов. — Здесь еще Владимир Ильич хозяйничает.

— Ух ты! Я последний раз Ленина видел, когда нас в пионеры принимали. Прогнали толпой мимо гроба, я и разглядеть-то его толком не успел.

— Сейчас разглядите, — пообещал Александр Геннадьевич, оказавшийся заместителем коменданта Кремля. — Обычные посетители, которые заходят с парадного входа, по правилам не могут находиться в ритуальном помещении № 1 больше двух минут. Хотя и в течение этого времени Ленина видели немногие. Как правило, проходят быстрее.

За разговором друзья миновали строгий коридор, ковровыми дорожками и дверями напомиравший советский номенклатурный санаторий. Александр Геннадьевич повернул в закоулок, где, услышав приближавшиеся шаги начальства, уже выстроились в «смирно» семь офицеров ФСО — дежурная смена Мавзолея. Затем короткий переход и свет остались за спиной, а перед спутниками открылась лестница черного мрамора,

слегка озаряемая глухими красными отблесками, размазанными по ступенькам. Резко похолодало и посвежело. Вверх, потом вниз, затем направо — и друзья оказались в квадратном зале, в центре которого на постаменте возвышался саркофаг. Белый свет мерцал лишь под сводами Мавзолея, зал же был погружен в рубиновое марево. Мозгалеvский подошел к Ильичу, бесцеремонно рассматривая тело.

— Он и вправду как живой! — Вместо смешка Михаил смог родить лишь утробный скрип.

Вождь действительно поражал своей сохранностью. Кожа, не желтая, как у мертвецов, а бледно-розовая, была покрыта мелкими оспинами. Жиденькая рыжая бороденка отливала живой краской и шелком, словно чем-то регулярно пропитываемая. Акульим плавником выступал нос с хищной горбинкой.

— Ильич-то, в натуре, здоровее выглядит того клоуна, который его на Красной площади изображает, да и костюмчик посвежее.

— Это потому что костюмчик он меняет чаще, чем его живая дешевая копия, — вмешался Александр Геннадьевич.

— В смысле? — кашлянул Блулов.

— Как же вам объяснить? — Чекист потер затылок вновь просевшей в почтительном поклоне головы. — Костюмы изнашиваются, обувь стаптывается.

— Как у святителя Спиридона Тримифунтского на Корфу? — суеверно перекрестился Блулов.

— А еще ему подстригают волосы и ногти. Это абсолютно живой материал.

— А если он такой живой, то почему не ходит? — с любопытством озирался Мозгалевский.

— Может, потому, что у него вырезали мозг, — без доли иронии парировал Александр Геннадьевич.

— Да, да. Я что-то об этом слышал. — Мозгалевский перешел на полусшепот. — Целый институт мозга создали.

— Совершенно верно. Мозг Ильича в мелко порубленном состоянии пребывает и ныне в том самом институте, для этой цели и созданном.

— А в порубленном-то зачем?

— Якобы для исследований. Но, по мне, так чертовщина какая-то, — поморщился Александр Геннадьевич, на что Красноперов подмигнул друзьям, выражая гораздо бóльшую осведомленность, чем заместитель коменданта Кремля.

— Вот вы смеетесь, Виктор Георгиевич, — насутился чекист. — А здесь и правда капище. Проклятое место.

— Зиккурат, б... — хмыкнул Миша.

— Подобные ритуальные пирамиды строились еще в Древнем Вавилоне, — решил блеснуть своими познаниями перед генералом Александр Геннадьевич. — Ритуальные строения, как и то, где мы находимся, были асимметричны, в них не было одного угла, точнее, он был перевернут вовнутрь. Бальзамированное тело являлось энергетическим генератором, в который именно через вогнутый угол поглощалась сила толпы и доставлялась жрецам. Можно в это не верить, списывать на совпадения, как можно считать делом случая и кровавые жертвы, которые приносили к ногам полумертвого Ильича.

— Жертвы? — изумленно пискнула помалкивавшая до сих пор Вика.

— Да, — кивнул офицер. — Известный факт — теракт в Мавзолее 1973 года, когда посетитель подорвал на себе самодельную бомбу. Погибла супружеская пара и тяжело ранило четверых детей. От террориста нашли только руки. Однако мало кто знает, что почти десять лет спустя, в 1982 году, очередной смертник в Мавзолее соединил на себе провода. Погибло двадцать человек, сакральные стены были обметаны человеческим фаршем. Вот, смотрите. — Александр Геннадьевич ткнул в небольшие выбоины в мраморной стене. — Это все последствия теракта восемьдесят второго. Самое потрясающее, что хозяину хоть бы хны, ни одной царапины на саркофаге! Ведь что интересно, каждый раз за неделю до теракта в саркофаге ставили более прочные бронестекла.

— А вот об этом я никогда не слышал. — Красноперов не скрывал своего неудовольствия.

— Виктор Георгиевич, у вас свои секреты, у нас свои. Если на меня сошлетесь, вернусь без пенсии к себе на родину. Впрочем, всяко лучше, чем эту спящую красавицу охранять. Буду на Волге рыбу ловить.

— Или ее кормить. — Красноперов без иронии заглянул в глаза чекисту.

— Или так, товарищ генерал, — погребально улыбнулся Александр Геннадьевич.

— А что, если здесь молебен провести, изгнать дьявола? Он в труху и превратится! — инквизиторски твердо изрек Блудов.

— В 2014 году отец Сергей, настоятель с Ганиной ямы, один из шести русских экзорцистов...

— А кто это? — осторожно поинтересовалась Вика.

— Кто бесов изгоняет, — нетерпеливо бросил Блудов, раздраженный, что девушка перебила офицера.

— Так вот. Он, еще три монаха и монахиня провели здесь молебен. Читали заклинательную молитву над Ильичом. Возле саркофага даже сотрудникам ФСО больше получаса находиться нельзя. Наши таксидермисты тут же начинают строчить жалобы. А тут, представляете, два часа святой молитвы! Под конец даже волчий вой слышали, а как вышли, отец Сергей и говорит, мол, назовите имена близких, запишу и молиться за них буду. Так вон Игорь, — чекист кивнул в сторону молодого коллеги, — забыл, как мать родную зовут.

— Да вот уж, — повинился Игорь. — Я-то ее всю жизнь — мама-мама, ну и выскочило имя.

— То-то ты бухал потом с неделю, никак в себя не мог прийти, — прошипел Александр Геннадьевич. — А хозяину хоть бы хны! И глазом не повел. Лежит себе, как живехонький. Здесь, похоже, без кола осинового не обойтись. Виктор Георгиевич, вы ж тогда с нами были.

— Много болтаешь, Саша! — Красноперов рыкнул. — Пошли. Нет у нас времени на твои воспоминания.

Александр Геннадьевич виновато замолчал, подошел к стене и оттолкнул от себя мраморную плиту, ту самую, поврежденную взрывом. образо-

вался узкий проход, куда проследовала компания, оставив фэсэошное сопровождение в траурном зале.

Красноперов двигался по-хозяйски уверенно, посмеиваясь над мистическим восторгом спутников. Через десять шагов закончились гранитные покои Ильича, и начался коридор, уже не походивший на профилакторий, скорее на больничку. Кабинеты с безликими дверьми закрыты. Пусто и тихо, если не считать технического гула, похожего на работу вентиляции. Однако обилие видеокамер не давало посетителям и малейшей надежды остаться незамеченными.

Коридор перегораживала решетка. Красноперов приложил магнитную карточку. Визгнул зеленый огонек, калитка открылась, и друзья двинулись дальше. Повернув за угол, они уперлись в мощную дверь черного металла, возле которой за секретарской стойкой сидел крепкий молодой человек в черной униформе без опознавательных шевронов. В отличие от офицеров комендатуры он не стал козырять Красноперову, лишь попросил гостей приложить большой палец правой руки к матовой кнопке, соединенной проводом с компьютером. Генерал не стал исключением. Друзья по очереди откатали пальчики, на экране повыскакивали их портреты без каких-либо дополнительных описаний, кроме статуса «доступ № 4». Сотрудник неведомых структур открыл дверь, пропустив гостей в просторный зал, похожий на больничный приемный покой, где словно из-под земли перед ними явился перекошенный годами и недугами субъект.

ГЛАВА 7

Искусство вежливого обхождения с чертями

«Чистый Мефистофель, — вздрогнул Блюдов. — Не к лицу ему белый халат».

— Здравствуйте, мил-сердечный Виктор Георгиевич. Наконец-то и вы к нам пожаловали. Очень рад. Очень! И друзья с вами. Ох, какая красота! — Странный доктор тут же переключился с генерала на девушку, продолжая тарыхтеть, уже обращаясь к Вике. — Я всегда говорил, что настоящая красота — всегда смелая красота. Как же эти хитрецы мужчины уговорили вас последовать за ними?

— Совершенно случайно. — Девушка поджала губки.

— Случай, милейшая сударыня, одно — из имен Бога. — Доктор повернулся к Красноперову: — У нас все готово. Но сначала пройдемте ко мне.

— Лекцию слушать, профессор? — Недовольство генерала не осталось незамеченным собеседником. — Да, хочу лично представить моих товарищей, которых заочно вы уже знаете, наверное, лучше меня — на Викторию вы уже обратили внимание, а это Владимир Романович и Михаил Арленович. Перед вами же, господа, светило советской алхимии и каббалы — Лев Моисеевич Ва... — Красноперов осекся под строгим взглядом доктора. — Хорошо, хорошо, обойдемся без титулов и фамилий. Просто — гений, чудотворец. Надеюсь, Лев Моисеевич, на этот раз государственной тайны я не нарушил.

Лев Моисеевич снисходительно кивнул, открыл ближайшую дверь и пропустил гостей в тесный, выполненный в светлых тонах кабинет с уютно ярким светом. Из мебели лишь стол, шкаф, диван и два кресла, обтянутые кремовой кожей.

— Присаживайтесь, господа. Располагайтесь.

— Чем бы утешиться? Коньяка нет, профессор? — Непринужденным хамством Красноперов попытался ответить на жесткий взгляд доктора.

— А вам, господин генерал, как я понимаю, что водку пить, что на пулемет бросаться, лишь бы с ног сшибало? — парировал Лев Моисеевич.

— Не пьянки ради, а чтобы не отвыкнуть. — На помощь другу-генералу пришел Мозгалеvский, уловив в диалоге нервную закипь.

— Увы, специфика нашей, так сказать, процедуры требует абсолютно ясного сознания. Разрешите предложить вам липовый мед под ромашковый чай?

И уже через минуту миловидная секретарша в белом халате внесла поднос с чашками.

— Итак, — командно начал Лев Моисеевич, — мы получили результаты ваших тестов и анализов. Психофизическое состояние в норме. Все формальные вопросы улажены. Препараты готовы. Можно приступать. Но для начала я хочу посвятить вас в тонкости этого удивительного процесса, который в среде нашей богемной клиентуры получил название «дримтриппинг». Отцом-основателем проекта по праву считается Борис Ильич Збарский, человек судьбы удивительной. Уверен, что опыты по дримтриппингу он ставил на себе, получив результаты, опережающие наши разработки.

После смерти Хозяина, — Лев Моисеевич почтительно склонил голову, — нам, точнее, нашим коллегам удалось получить его мозг для исследования в рамках отдельного института. Уже в двадцатых годах прошлого столетия была создана уникальная лаборатория, должная разрешить задачи, которые официальная наука отрицает, а церковь считает колдовством и сатанизмом.

— Чего один только ваш Ильич стоит, — проскрипел богобоязненный Блудов.

— Видите ли, Михаил Арленович, всякий прогресс, в том числе и научный, — дело рук самоубийц. Почти каждое революционное открытие стоит жизни. Ученых от рук инквизиции погибло больше, чем цыган от рук нацистов. Даже вполне уже цивилизованная Российская империя в 1881 году отправила на эшафот гениального Кибальчича, придумавшего ракету, на которой Советский Союз взлетел в космос, покорив весь мир. Владимир Ильич до сих пор стоит на страже всей государственной, как изволил выразиться господин генерал, каббалистики. Это столп, священный громоотвод пещерной ненависти общества и церкви к истинной науке, которая творит совершенное завтра несовершенного мира.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Блудов, взвешивая риски таинственных обрядов с собственным мозгом.

— Все смирились, что в центре Святой Руси, — Лев Моисеевич победоносно оскандальился, — стоит зиккурат, в котором лежит полумертвый тиран, эту самую Святую Русь уничтоживший. Но, кроме православных маргиналов,

всем глубоко наплевать, что государство уже почти сто лет тратит огромные бюджеты на эксперименты с человеческим биоматериалом, на синтез психоактивных веществ, на промывание мозгов, на опыты с мертвыми и изучение магических свойств крови.

— А, так вы еще и вампиризмом занимаетесь? — хохотнул Красноперов. — Хороший бизнес, Лев Моисеевич. Берете бабки страшные, потом кошмарите до икоты. Посмотрите на них, они же сейчас сбегут отсюда.

— Вампиризм, как секрет неувядаемой молодости, научно обоснован еще в двадцатые годы нашим коллегой Паулем Каммерером, который стоял у основ советского научного мистицизма, — ничуть не задетый иронией генерала продолжал профессор.

— И что, реально омолаживает? — оживилась Вика.

— Смотрите. — Лев Моисеевич подошел к книжному шкафу, достал небольшую брошюру, изрядно пожелтевшую от почтенного возраста, и протянул госте.

— Пауль Каммерер. «Смерть и бессмертие». Государственное издательство, 1925 год, — вслух прочитала Виктория.

— В этой работе столетней давности автор тогда уже доказал экспериментально, что даже мертвая клетка, погруженная в плазму крови, оживает и обновляется — Профессор бесцеремонно забрал у девушки брошюру и вернул ее на полку.

— А кто такой этот ваш Крамер или как его там? Он как-то был связан с Аненербе? — любопытствовал Мозгалеvский.

— Нацистский проект Аненербе — это лишь жалкая пародия на то, что было достигнуто жрецами нашего храма — Мавзолея, еще до зарождения Третьего рейха. — Лев Моисеевич воздел руки к галогеновому потолку. — Госпожа Блаватская, которую эзэсовцы возвели в культ Богородицы, служила агентом ОГПУ, как и Рерих, кстати, со своими учениками. Все их учения и откровения нагоняли лишь тумана для европейских мистиков и наших дурачков из недобитой интеллигенции, которые жаждали новых религий, новых культов, новых мессий и тайных знаний. На эти тибетские ириски купился даже Адольф Алоизович, а в качестве трофеев их до сих пор дожевывает Америка. Вот вы думаете, зачем нынешнему государству коммунистическая партия, на которую современная Россия тратит миллиарды из своего бюджета? Защита пенсионеров, советского нафталина и розового патриотизма? Э, нет! Чтобы оберегать Мавзолей! Ленину надлежит лежать здесь, пока последний его жрец не будет истреблен.

— Давайте уж ближе к делу, Лев Моисеевич, — поторопил профессора Красноперов.

— Господа! — Кремлевский Мефистофель из бесноватого колдуна преобразился в элегантного менеджера. — И конечно же, дамы! Вам представляется уникальная возможность стать участниками величайшего эксперимента, который ниспровергает существующие представления о реальности. Поколения советских ученых разрабатывали физику сознания, благодаря им мы можем исследовать другие уровни человеческого существования. Открытие «нити времени» ДНК позволило объединить уси-

лия нескольких секретных лабораторий и добиться фантастических результатов. Используя информационный архив, который содержится в тканях или даже в прахе умершего человека, мы научились воссоздавать его голографическую модель в сознании живого человека, находящегося в состоянии сна. Иными словами, пока вы спите, вы можете полноценно жить чужой жизнью.

— И насколько это безопасно? — не удержался Мозгалеvский.

— Абсолютно безопасно, — ласково изрек Лев Моисеевич, — если соблюдать все правила, о которых я вам расскажу.

ГЛАВА 8

Что нужно нам, того не знаем мы

— Правило первое — сон должен быть дозирован и регулярен. Каждый день вы обязаны засыпать не позже часу ночи, а просыпаться не позже девяти. Здесь следует пояснить, для чего вообще нам нужен сон. Во время бодрствования в организме человека вырабатывается так называемый сонный яд, более точное его название — яд мышечной усталости. Во время сна организм очищается от этого яда. Без еды мы можем прожить месяц, без сна вряд ли протянем и неделю. Открою вам государственную тайну: в СССР часть приговоренных к смерти поступала в наше распоряжение. Не надо кривить губки, дорогая Виктория. — Лев Моисеевич ностальгически вздохнул. — Это было

отребье — маньяки, насильники, изменники Родины. Без них наша наука завязла бы в бумажной пыли никому не нужных диссертаций. Подопытных помещали в «стаканы» — специальные боксы, в которых человек мог только стоять, яркий свет, музыка и металлические стены под напряжением не давали шанса даже на полудрему. На пятый-седьмой день бессонницы в объятиях металлической могилы они теряли сознание. Чаще всего подопытные умирали не приходя в себя, хотя мы старались этого не допускать.

— Неужели вы их спасали? — с наивной робкой надеждой спросила Вика.

— Нет, — улыбнулся Лев Моисеевич. — Скорее наоборот. Естественная смерть убивала смысл эксперимента. Обычно, когда подопытный доходил до полубморочного состояния или терял сознание, мы извлекали его из плена, приводили в чувство и только потом умерщвляли. Затем исследовали его мозг. Как правило, нервные клетки в лобных долях пребывали в ужасном состоянии. Форма их ядер изменена, мембраны словно изъедены лейкоцитами. Но что примечательно, если подопытным перед смертью давали поспать, то никаких изменений в клетках не находили. Поэтому вам нужен здоровый и глубокий сон. Отсюда правило номер два — исключить любые наркотики и крепкий алкоголь.

— Совсем не бухать? — скривился Блудов.

— Выпивать, конечно, можно, но не напиваться. Все ваши действия в реальности должны быть предельно контролируемы и осознанны. А человек с мерой не дружит.

— Если у тебя есть мера — у тебя есть все, — философствовал Красноперов.

— Как говорил Чехов, — Мозгалеvский закинул глаза в потолок, — «если человек не пьет и не курит, поневоле задумаешься, а не сволочь ли он».

— Есть еще нюанс, — продолжил профессор. — Препарат, который вы получите, содержит безопасный для организма психоделик. Однако более сильный наркотик или алкогольное опьянение способны подавить как его действие, так и «яд мышечной усталости», что спровоцирует бессонницу. В этом случае голографическая модель может разрушиться или возникнет альтернативное астральное состояние. Но мы всегда будем рядом, без помощи вас не оставим. Вам наденут на руку браслет-мониторинг, который будет контролировать работу мозга. При малейших отклонениях браслет автоматически пошлет сигнал на наш компьютер. Оперативные центры лаборатории находятся в каждом федеральном округе России и практически при каждом российском посольстве во всем мире.

— Нехило развернулись. Может, вы и мозг по гарантии меняете? — присвистнул Блудов.

— Увы, современная медицина может воссоздать любой человеческий орган, кроме головного мозга. Итак, правило третье: беречь свое здоровье, особенно голову, ведь после повреждения теменной доли мозга, как это случается при инсульте, человек перестает видеть сны.

— Иными словами, лоботомию вы нам не рекомендуете? — резюмировал Блудов.

— Отчего же, — ехидно улыбнулся Лев Моисеевич. — Известный американский хирург Уол-

тер Фриман утверждал, что применение лоботомии способствует превращению социальных уродов, шизофреников, гомосексуалистов в добропорядочных граждан. — И, не дожидаясь возмущения припотевшего от иезуитского оскорбления Блудова, ученый продолжил: — Но вернемся к нашей теме. Я должен объяснить механизм сновидений и сопутствующую физиологию. Как только мы засыпаем, наша вегетативная система тут же перестраивается. Дыхание делается более редким, выдох становится пассивным и долгим, громким, но менее глубоким, чем во время бодрствования. Наш американский коллега Натан Клейтман, кстати родом из Кишинева, официально считается отцом исследования сна. Так вот, опыты он предпочитал ставить на себе. Под действием амфетаминов ему удалось не сомкнуть глаз 180 часов кряду — семь с половиной суток. Что любопытно, по мере продолжения опыта при внешнем проявлении бодрствования электроэнцефалограмма показывала ритмы глубокого сна. Грань между бодрствованием и сном исчезала, хотя он не чувствовал, что засыпает. Мышцы были ослаблены настолько, что он не мог держать карандаш. Психика пришла к окончательному упадку, организм начал вырабатывать так называемые индолы, по составу близкие к серотонину и ЛСД. Но состояние пришло в норму после первого сна, который длился не более шестнадцати часов. Обычно на третий день бессонницы ощущается резкий упадок сил. Человек начинает спотыкаться о несуществующие предметы, вместо связной речи способен лишь бормотать, повторяясь и делая ошибки, не будучи в состоянии оценить свое поведение. Ему уже не

под силу задачи, требующие внимания, он становится все более и более неуравновешенным, суетливым и раздражительным. Ему кажется, что земля ходит ходуном, глаза покрываются пылью. Через девяносто часов бессонницы начинаются галлюцинации. Еще через сто часов он впадает в глубокую депрессию и в отречение от собственной личности. Во время сна прекращается только сознание человека, остальные жизненно важные функции сохраняются. Кстати, у впадающих в спячку млекопитающих температура тела снижается до нуля, а у некоторых животных до пяти градусов мороза. Зверушки во время сна всего лишь на какие-то доли градуса теплее окружающего воздуха. При этом газовый обмен у них снижается в десять раз, а дыхание в сорок раз. Например, еж делает один вдох в минуту.

— Нам это не грозит. Во-первых, мы не ежики, а во-вторых, в холодильник нам еще рано, — рассмеялся Блутов.

Лев Моисеевич, сообразив, что явно затянул с теорией, перешел к более насущным вопросам:

— Как вам должно быть известно, наш сон состоит из двух состояний: быстрый и медленный. Быстрый сон еще называют третьей формой жизни. Разбудить человека во время этого состояния не просто, однако при этом энцефалограмма показывает почти бодрствование. Быстрым сон назвали от движения глаз, зорко наблюдающих за происходящим во сне под закрытыми веками. Все, что видите во сне, вы отслеживаете при помощи глаз.

— Хорошо, но если разбегаются глаза, почему не машут руки и не ходят ноги по третьему измере-

нию сознания? — Мозгалевский с любопытством наблюдал за профессором.

— Дабы обезопасить человека от сонных походов, мозг парализует остальные мышцы.

— А как быть с лунатиками? — блеснула улыбкой Вика.

— Лунатики — люди с поражением мозга, у которых эта система не работает. Так вот, — профессор откашлялся, — в среднем движения глаз проявляются у человека четыре-шесть раз за ночь. При этом длительность фазы быстрого сна к утру возрастает до получаса. Именно на это время приходится основная нагрузка дримтриппинга, как мы называем наше потустороннее путешествие. События, которые мы видим во сне, сжаты во времени. То, что должно происходить наяву часов за десять, вы можете увидеть во сне за десять минут. Это сложно осознать, поскольку человеку кажется, что сон он проживал в течение целой ночи, но на самом деле сон длился всего лишь минуты. Таков и способ сверхкомпактного хранения информации в нашем сознании. Этот феномен ярко выражен при воспоминаниях. Например, два часа смотрели фильм, но, чтобы в памяти воссоздать отдельные фрагменты, вам потребуются какие-то секунды. Второй любопытный факт — мы не удивляемся во сне, даже если начинаем летать, изрыгать пламя, видеть чудеса и небылицы. При этом, когда мы просыпаемся, в течение первых минут бодрствования самый невероятный приснившийся нам абсурд кажется абсолютно реальным и осязаемым. Некоторые умники с учеными степенями утверждают, что мы не удивляемся во сне, потому что все это — наши собствен-

ные мысли, мечты и фантазии. Я же считаю, что это связано только с тем, что во сне наше сознание свободно от предрассудков, вбитых нам в голову.

— Как это? — удивился Блудов.

— Например, вы летали во сне и ничего странного в этом не заметили. В первые мгновения после пробуждения вы также не видите в своих полетах ничего удивительного. О чем это говорит?

— О том, что мы окончательно не проснулись, — отозвалась Вика.

— Это говорит о том, что мы можем летать, перемещаться во времени, видеть мертвых или тех, о ком принято так считать, можем не умирать от смертельных ран и исцеляться от всех болезней. Однако наши сверхспособности, гениальность и бессмертие тут же заковываются сознанием в оковы разумных условностей — законов физики, природы и морали. Мы сами придумываем себе тюрьму, из которой вырваться удастся единицам. Наша воля и могущество — заложники человеческих знаний. Скажу вам, как убежденный атеист, — профессор выпрямился и словно забронзовел, — человек отличается от животного возможностью стать богом, но многие ли из нас задумываются об этом? В мире нет истины кроме силы и нет мира вне нашего сознания. Если в это поверить, то можно, не выходя отсюда, из этого вот бункера, менять реальность по лекалам наших желаний.

— Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет, — изрек Блудов, но профессор, пребывая в мистическом запале, уже никого не слышал.

ГЛАВА 9

Грядущие на сон

— Почему человек боится яви и не боится снов? Чем наша жизнь реальнее сна? Тем, что наши сны эпизодичны. И все! По сути, в снах мы, следуя от абсурда к абсурду, радуемся с утра, что нам это лишь приснилось, но проявляем удивительную беспечность и бесстрашие перед ночью грядущей, обрекающей нас на очередное астральное испытание... Дорогая Виктория! — вскрикнул Лев Моисеевич. — Не могли бы вы представить, что ваши сны стали бы вдруг реальностью? Вспомните, что вам снилось за последние пару недель, и представьте.

— Ммммм... — насупилась Вика. — В этом случае я бы, наверное, или сошла с ума, или покончила с собой.

— И первое, и второе мимо. Во-первых, наши сны — это тотальное сумасшествие, сходить уже некуда, и тем более с ума. Во-вторых, в снах мы то и дело погибаем, поэтому смерть не станет ни лекарством, ни спасением.

— Тогда это был бы ад! — воскликнула девушка. — А ведь правда жуть.

— Но объясните мне, почему в таком случае вы не боитесь засыпать, устремляясь навстречу этому аду?! Ведь во сне мы не знаем, что это сон. Во сне от присутствия ада нас спасает отсутствие памяти и все тех же рабских условностей — знаний. Но дримтриппинг в корне отличается от банальных сновидений. Во-первых, последовательностью. Из ночи в ночь вы будете осваивать чужую

биографию, до мельчайших подробностей сохраняя в памяти увиденное, как будто это реально происходило с вами. Во сне на протяжении всего путешествия вы будете чувствовать и мыслить как донор памяти. В случае вспышек вашего собственного «я» в виде чувств, мыслей, воспоминаний необходимо будет немедленно связаться с нами. Во-вторых, допускается побочный эффект в виде фантомной боли.

Вика испуганно встрепенулась. Мозгалевский поморщился.

— Просто если донор памяти страдал болезнью почек, то, проснувшись, вы можете почувствовать боль в пояснице, но, — поспешил успокоить профессор, — ничего страшного в этом нет, и на вашем здоровье это не отразится. Фантомные реакции могут коснуться и вкусовых предпочтений в еде, спиртном, куреве, а также в наркотических и сексуальных пристрастиях. Именно поэтому мы категорически не рекомендуем использовать память бывших наркоманов и тщательно проверяем сексуальную ориентацию как доноров, так и дримтриперов.

— А я б Высоцким потусовался, — хохотнул Мозгалевский, дернув носом, — глядишь бы и сам петь начал. Даже интересно, чем ширялись великие поэты великой страны.

— К сожалению, это невозможно, поскольку небезопасно, — отрезал Лев Моисеевич. — Как я уже говорил, любой сильнодействующий препарат может спровоцировать необратимые процессы в сознании.

— Но то ж во сне, профессор.

— Дело в том, что сознание фиксирует эмоции, которые наркоман переживает во время «кайфа», и запоминает тонус головного мозга. Поэтому память донора может полностью подчинить состояние организма вполне здорового и уравновешенного дримтриппера. Пожалуй, на этом я пока прервусь. Теперь вам осталось подписать кое-какие бумажки и проследовать в процедурную.

— Договор будем заключать? — деловито поинтересовался Блудов.

— Вы шутите? Какие здесь могут быть договоры? И, главное, куда вы с ними потом пойдете? В ближайшую психушку? Мол, так и так, в Мавзолея Ленина такого-то числа мне с друзьями за миллион американских долларов сделали лоботомию, чтобы во сне отправиться в прошлый век. Выполненной работой остался недоволен, прошу взыскать с Мавзолея вышеуказанные средства и моральную компенсацию? — Лев Моисеевич обнажил гнилые десны.

— Смешно, — прикусил губу Блудов. — Тогда что мы будем подписывать?

— Обязательство о неразглашении государственной тайны.

— То есть, если я проболтаюсь, меня посадят? — хихикнула девушка.

— Боюсь, драгоценная Виктория, в этом случае сажать будет некого.

— Красноперов нас чайком с полонием отпущет? Да, Вить? — пытался пошутить Мозгалеvский в напряженную пустоту.

— И сушками с цезием, — сухо ответил генерал. — Несете ерунду! Профессор, извините моих

друзей. Здесь все понятно. Давайте вашу канцелярию и пройдемте на аппараты.

— Тогда вы уж проясните по поводу операции, — словно оттягивая момент, поднялся Блудов.

— Покорнейше извините. — Лев Моисеевич принял свое обыкновенное сутулое состояние. — Каждая операция продлится не более получаса, проходить она будет под общим наркозом. Насчет лоботомии, как вы понимаете, это была шутка. Вскрытие черепной коробки не понадобится. В ваших головах и без того входных отверстий хватает. Электростимуляция шишковидного тела мозга будет достигаться разрядами в шейный нерв. Иглу мы...

— Иглу? — побледнела Вика.

— Лев Моисеевич, давайте переходить к сути, а то мы так Виду потеряем, — поспешил вмешаться Красноперов.

— Насчет процедурных моментов не беспокойтесь. Обещаю, вы ничего не почувствуете. Итак, после процедуры вы можете ощутить подташнивание и головокружение, словно от морской болезни. Это пройдет в течение дня.

— А дальше?

— Мы обработали вашу заявку. Ночью вы будете встречаться во сне друг с другом. Господин Блудов, вашим донором памяти станет Сталин Иосиф Виссарионович, вы насладитесь закатом советского императора. Виктор Георгиевич, вам достанутся маршальские звезды Георгия Константиновича Жукова. Виктория будет сопровождать вас в качестве машинистки Екатерины Андреевны Климовой. Вы же, Владимир Романович, — профессор перевел взгляд на Мозгалевского, — станете от-

цом атомного проекта, хозяином ГУЛАГа и командующим армией чекистов Лаврентием Павловичем Берией.

— Кроме Жукова, все они плохо закончили, — тяжело вздохнул Мозгалевский.

— Поверьте, вам это не грозит. Во-первых, путешествие прервется раньше смерти Сталина. Во-вторых, если человек во сне переживает смерть донора памяти, он сразу просыпается, дримтриппинг заканчивается, и уже в следующую ночь вы наслаждаетесь привычными снами.

После причащения гостайной Лев Моисеевич развел гостей по отдельным палатам.

Блудов последним зашел в похожий на келью кабинет, где его ожидали двое врачей в медицинских масках, над которыми застыли серые глаза. Обстановка напомнила Михаилу Арленовичу казенную ветлечебницу, куда они с мамой в детстве отвозили усыплять своего больного кота. В архаике советской медицины безнадежно тонул странный электронный агрегат безо всякой маркировки, похожий на нечто среднее между оборудованием для УЗИ и бормашиной.

ГЛАВА 10

Что не делает закон, то восполнит пуля

Мавзолей друзья покидали молча. В этом молчании заключалось не предвкушение удовольствия, но страх перед его последствиями. Страх был грядущий и коллективный: от раздражающего

нытья в правом подреберье у Блудова до немой паники у Вики. Мозгалеvскому мерещилось нестерпимое жжение в затылке, которое он объяснял началом кровоизлияния в мозг, тщетно пытаясь в этом разувериться.

Красная площадь затягивалась сумерками, и наступавшие потемки почему-то обрадовали наших героев. С глупой неприкаянностью бродили люди туда-сюда, словно куски пенопласта, гоняемые сквозняками кремлевских ворот. Не сговариваясь, друзья перешли к ГУМу, уселись в ресторане, где последний раз в жизни ужинал Борис Немцов со своей спутницей.

— Вить, ну вот скажи по-честному, по-боевому, как будущий маршал будущему генералиссимусу, Борю же вы замочили? — зачем-то отчаянно и резко бросил Михаил, слегка оторопев от собственного тона.

— Мишань, поверь, как маршал генералиссимусу доношу, — с улыбкой принял игру Красноперов, — не мы.

— Хорош заливать! — с неожиданной злобой оборвал его Блудов. — Если не вы, тогда знаете кто.

— Борю царские башибузуки исполнили, а мы лишь за ними присматривали, — невесть с чего вдруг приоткрылся Красноперов. — Концы отсекли и подчистили немножко. Мы же не убийцы и не разбойники. Так мараться никто не станет.

— Даже если Папа прикажет? — бесцеремонно влез в разговор и Мозгалеvский.

— Он никогда не прикажет. Такие приказы отдают псам, а не офицерам.

— Какое формалиновое благородство! — скривился Блудов и переключился на официанта, миготом отозвавшегося на характерный жест. — Пятьдесят «Макаллана».

— Миш, спиртное же нам нельзя, — дотрогнувшись до руки Блудова, молебно возразила Вика.

— Во-первых, в небольших дозах можно, а во-вторых... тоже можно. Так получается, за Боря сейчас сидят не те? — вернулся к разговору Блудов.

— Почему же? Они самые! — усмехнулся Красноперов.

— Тогда чего же вы их не отмазали? Поматросили и бросили? — не унимался Блудов.

— Существуют две схемы ликвидации в интересах системы. Первая — «запасной сценарий», вторая — «месть фанатика». Главный принцип — убийство должно быть раскрыто, преступник наказан. В противном случае злодеями становятся спецслужбы и президент. Как правило, оно так и происходит. Единственным исключением стал Шабтай Колманович — хозяин Дорогомиловского рынка и женской сборной по волейболу, — пустился в непривычные для него объяснения Красноперов, с большим любопытством всматриваясь в лицо Блудова.

— Помню, был такой. Агент Моссада, КГБ и прочее, и прочее. Его, если мне не изменяет память, возле Новодевичьего монастыря расстреляли, — живо откликнулся Мозгалевский, потирая затылок.

— В 2009 году красиво и дерзко исполнили. Ни следов, ни зацепок. А это и есть главный прокол, — назидательно процедил Красноперов.

— Обгладывая трупы, кидаете быдлу кости, — подытожил, тяжело вздохнув, Блудов.

— Это не быдло, это народ. Иметь надо уважение к собственным согражданам, Михаил Арленович, если вы, конечно, позволите продолжать к вам так обращаться. С Шабтаем вопрос решать надо было немедленно, времени на подготовку не оставалось. Собрался дурачок за бугор свалить. А кто ж его с таким моральным грузом отпустит. Ну, с ним и проще. Это не Аня Политковская, о таких, как Колманович, даже наследники не плачут, потеряли глазки, посморкались на могилу и в бой — делить барахло. А особо любопытным подкинули мульку, что-де это месья за покушение на Япончика. Общественность успокоилась. И только после Литвиненко до всех этих все знающих, во всем разбирающихся идиотов дошло наконец, что вместе с убийством надо прорабатывать и мотив, и убийцу.

— Ты говорил что-то про «запасной аэродром», — вкрадчиво, боясь вспугнуть неожиданно разоткровенничавшегося друга, напомнил Мозгалевский.

— «Запасной сценарий», — автоматически поправил его Красноперов. — Схема «запасного сценария» проста. Кто-то из агентов находит гопников, которые берутся за все, что не весит больше червонца строго режима: грабят, наезжают, выбивают долги. Им предлагают денег ровно столько, чтобы заглушить разум и инстинкт самосохранения, за походить, последить, собрать информацию. Эти блатные лохи «топчутся» за объектом, а поскольку ничего особо криминального в этом нет, то смело

отзванивают со своих мобил, торчат на маршрутах и возле дома на собственных тачках. Когда же пацаны засветятся, как радиация, спецы исполняют цель. По горячим следам берут «душегубцев», быстренько их колют, доказательной базы хоть отбавляй. И чтобы соскочить с пожизненной прожарки, ребята показывают на выбранного «заказчика». Финита! Убийцы разъезжаются умирать по зонам. Публика удовлетворена. Полковники становятся генералами. Вспомните первого зампреда Центробанка Андрея Козлова, которого якобы заказал банкир Френкель, а исполнили луганские бандиты. Возьмите убийство президента «Алмаз-Антея» Игоря Климова, хозяина фабрики «8 Марта» Михаила Кравченко. Да ту же Политковскую взять... — Красноперов перевел дух, прикидывая, не сказал ли друзьям чего лишнего.

— Ну, Литвиненко, Шабтай Колманович... но остальные — всего лишь комерсы, — тут же, не дав застояться паузе, встрял Мозгалеvский.

— Деньги, Володь, — это тоже политика, да еще какая политика! А то ты сам не знаешь? — снисходительно улыбнулся Красноперов.

— Так что все-таки с Немцовым? — недовольно поморщился Блудов, отхлебнув виски.

— Гад и предатель! Пятая колонна! Это нас еще в диктатуре обвиняют. Была бы диктатура, уволокли бы этого пидора на Лубянку, а потом продырявили по приговору народного трибунала. А мы с этими скотами толерантничаем. Вот и приходится звать горных братьев. А у них — не у нас! Наши балбесы могут еще Папу послушаться, а для джигитов слово Рамзана — закон.

— Это ж самоубийство. Их же все равно посадят, — недоуменно возразил Мозгалеvский.

— Самоубийство — не выполнить приказ. А так, возьмите Будаева, полкана. Группа его работала, вели профессионально, через телефон и наружку. Работали человек десять. А загрузили одного — признали фанатиком-одиночкой, народным мстителем, дали по такому случаю четырнадцать лет. Убийцам Немцова — исполнителю двадцатку, подельникам чуть больше десятки. Наказание отбывать, как всегда, отправят в Чечню, ну а там — ковровая дорожка, деньги и почет.

— И вы с этим миритесь? — Блудов заходил желваками.

— Мы это придумали, Мишань. Рамзан такой же громоотвод, как и эти консервы в мраморе. — Генерал махнул в сторону Мавзолея. — И Папа чист и справедлив. И возмездие неотвратимо. Опять-таки и нас по грязным пустыкам не дергают. А жмуры? Тебе кого из них жалко?

— А Будаев, он вроде вашей породы?

— Танкист этот, который чеченку сначала трахнул, а потом замочил?! Ты бы еще вертухаев к нам подтянул.

— Так война, — смутился Мозгалеvский.

— Война! Насиловать-то зачем? — хохотнул Красноперов, только сейчас высвобождаясь от гнетущих мыслей.

— А журналистка эта, Политковская? — Викаробко втиснулась в мужской разговор.

— Викуль, плохой человек и продажный журналист. Русских не любила, про нас гадости заказные писала. Короче, агент влияния. Баба, но что

с этого толку, если она враг. Была б на такие случаи у нас статья, глядишь, уже вышла бы исправленная и искупившая. Как при Иосифе Виссарионовиче.

— Какая статья? — Девушка облизала ложечку с маскарпоновым муссом.

— Пятьдесят восьмая — за контрреволюционную деятельность. И писала бы дальше тетя Аня в стенгазету мордовского лагеря. А так червей кормит. Хотели десталинизации — получите, суки. Но посмотрите, что будет через пару лет. Владимир Владимирович строит великое государство. Сначала Крым, потом Донбасс. Еще недавно стремно русским себя было называть, неполиткорректно. Могли мы тогда мечтать о русском мире? А сейчас уже пол-Украины у америкосов забрали. Путину нужен плацдарм, откуда начнется наступление Русского мира. Мы и здесь всю пиндосскую мразь зачистим. Всех этих медведевых, чубайсов, кудриных... Я неделю назад заходил в Донецк, со Стрелковым встречался. Говорит, если мне Владимир Владимирович даст приказ, я голыми руками всех перегрызу, за сутки очищу Москву от этого болотного сброда. Сейчас он развернется, оружие ему подвезли, «Буки» отправили, скоро над Киевом «Фантомы» будем сбивать. Мирное небо Донбассу! Народ туда воевать активно едет. Чеченские джигиты бодро бьются. Слезли с гор — и в «степь донецкую парни молодые». Ваххабитам Рамзан амнистию пообещал за Донбасс, вот они и стараются — режут бандеровские головы. Отныне и Аллах за Русский мир.

— Странный он какой-то, — задумчиво вставил Блудов.

— Кто? Рамзан? — удивился генерал.

— Нет, Стрелков. Чудаковатый. Он не бухает?
— Леня нормальный. Бухать вроде не должен. А кто на войне не пьет? Разве только чехи, а те или шмаль, или насвай. — Генерал отвел взгляд, словно в чем-то уличенный.

ГЛАВА 11

Время мертвых

— **П**аврентий Павлович, одиннадцать часов, вы приказывали разбудить. — Крепкий кавказец в форме полковника МГБ осторожно прикоснулся к маршалу.

— Здорово, Семеныч, — сквозь сон прокричал Берия.

— Завтракать не желаете? — Полковник услужливо склонил голову.

— Вот не пойму, Саркисов, — Берия уселся на кровати, желая выместить раздражение за прерванный сон и за тяжелые ночные бдения у Хозяина, — ты три года врагов народа расстреливал, откуда в тебе манеры эти халдейские?

— Я не расстреливал, я только доставлял, — упал голосом полковник.

— Думаешь, я не знаю? Со мной не спорь. Был у Ляли?

— Вчера заезжал, передал деньги, продукты. Все как приказывали. Мне звонила Елена из Дома моделей, сказала — есть две новые девочки, которые могут вас заинтересовать.

— Это потом. У нее вроде в октябре день рождения, не забудь поздравить от меня. Гоглидзе подъехал?

— Так точно. Ожидает в гостиной.

— Пусть там накроют.

Полковник глубоко кивнул и покинул спальню.

Рафаэлю Саркисову пошел сорок четвертый год, работать у Берии он начал семнадцать лет назад личным водителем, быстро продвинулся в начальники личной охраны. Лаврентий Павлович ценит своего охранника не столько за преданность, сколько за собачье чувство хозяйского сапога, атрофированную гордость и умственную ограниченность, не способную уловить тонкой нити интриг, выплетаемых Берией. Но при этом Берия вручил Саркисову мешок со своим грязным бельем, который Рафаэль Семенович чутко копил и оберегал. Полковник отвечал за все внебрачные связи шефа, вел реестр увлечений Лаврентия Павловича, подыскивал новые, опекал, развлекал, организовывал пикники и аборты. И если раньше он возил приговоренных эзков на расстрел, то теперь советских красавиц в особняк на улицу Качалова.

В просторной гостиной, сдержанно отделанной лепниной и деревом, в ожидании пробуждения маршала уже час скучал генерал-полковник МГБ. Он пил чай и закусывал мандаринами. Серго Гоглидзе уже в тридцать четыре года стал комиссаром государственной безопасности второго ранга. Тогда его партийным шефом был любимец Сталина Нестор Лакоба, возглавивший советскую Абхазию. Но ставку молодой чекист сделал на Лаврентия Павловича, организовав для него отравление Лакобы с последующей расправой над всей родней и соратниками убитого.

Гоглидзе лично разрабатывал спецоперации по устранению врагов атомного маршала, лично

с выдумкой и с удовольствием участвовал в пытках. Назначение Гоглидзе заместителем министра государственной безопасности после того, как МГБ возглавил Семен Игнатьев, для Берии в кабинетных баталиях стало реваншем за арест его ставленника Абакумова.

— Рад тебя видеть, дорогой. — Берия крепко обнял Гоглидзе. — Спасибо, что нашел время. Пообедай со мной. В одиночку жрут только звери.

Не дожидаясь согласия генерала, Берия махнул рукой, и словно из-под земли вырос Саркисов с привычно вжатой в плечи головой.

— Семеныч, поторопи с обедом. На двоих пусть накрывают.

Через пятнадцать минут длинный инкрустированный стол был сервирован в лучших традициях партийной трапезы. На первое в фарфоровой супнице подали рассольник с гусяными потрохами. В пище, как и в людях, Берия ценил несочетаемые качества. В суп помимо традиционного рассола и соленых огурцов добавлялось молоко, придававшее блюду легкую пикантность. Тут же на льду маялась икра паюсная, а на блюдах «Императорского фарфорового завода» жирным перламутром переливались спинки астраханской сельди и нежились куски белужьего бока.

Удалив прислугу, Берия разлил по бокалам вино.

— За здоровье товарища Сталина. — Маршал пригубил бокал, генерал суеверно махнул до дна.

— Хорошее вино, — похвалил Гоглидзе.

— Грузинское — самое лучшее. Не то что абхазская дрянь. Станный этот народ — всю жизнь

бок о бок с грузинами, а людьми так и не стали. Только хурму друг у друга воровать горазды. И за что этим бездарям Господь дал такой край? Как защищает государственная безопасность, дорогой Серго?

— Враги не дают расслабляться, товарищ Берия.

— Сколько тебя помню, Серго, ты всегда слыл человеком решительным и умным. Я не знаю ни одного твоего врага, который бы тебя пережил. А то ведь были не мальчики, то были вепри.

— То были враги народа, товарищ маршал.

— Это решало особое совещание, которое за тобой не всегда поспевало. Помнишь нашего китайского полпреда Ваню Луганца, которого Лева Влодзимирский с Церетели в спецвагоне молотком забили, а жену его придушили?

— Иногда обстоятельства требовали решительных действий. В интересах партии, — генерал осекся.

— Знаешь, Серго, почему ты еще жив? Почему живы Кобулов, Деканозов, Мешик, Церетели, Влодзимирский, Саркисов? Потому что я берегу тех, кто мне предан. Мы низвергали богов. Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Ягода, Ежов — то не человеки, то титаны, которым рукоплескали миллионы идущих на смерть бараньей тропой. То были не казни врагов народа, мы, как в страстное Средневековье, сжигали их «города» с детьми и челядью, а на пепелищах танцевали лезгинку. Но ни один, кто был рядом со мной, не пострадал. Вам дозволено то, за что без суда и следствия мы ставим к стенке.

— Это продиктовано... — Гоглидзе не успел подыскать подходящего слова.

— Серго, мне не нужна демагогия, мне нужны дела. Что создавалось двадцать лет, вы просрали за один год. И, главное, кому просрали? Выскочкам и брехунам, падающим в обморок при виде крови.

— Лаврентий Павлович, вы только скажите, — с плохо скрываемой обидой встрепенулся Гоглидзе.

— Знаешь, почему спекся Витя Абакумов? — Вопрос скорее прозвучал утверждением, чем был обращен к собеседнику. — А ведь Витя в свои тридцать пять лет уже командовал Смершем. На его счету двести восемьдесят четыре секретные операции, которые он лично разрабатывал. Через три года я его вытащил в министры госбезопасности. Он приблизился к вождю, почувствовал себя Мюратом при Бонапарте. Но в отличие от Наполеона товарищ Сталин не страдает сентиментальностью, ему не нужны ни друзья, ни родичи, а только слепые орудия его воли. Витя же решил, что можно быть угодным всем, забыв, что у пса всегда только один хозяин. Как он, кстати?

— Держат в Лефортово. Бьют сильно, но терпит пока, молчит. Единственное, о чем просит, чтобы жену не мучили с ребенком.

— Они там же?

— Так точно. Когда их взяли, сыну только четыре месяца исполнилось.

— Антонину я помню. Красивая бабенка, папа у нее, если не ошибаюсь, гипнотизер известный. Как его?

— Орнальдо.

— Не очень долго жизнь была красивой. Мне нужны все протоколы допросов по этому делу, и наших, и врачей.

— К этому делу и близко никого не подпускают. Рюмин еженедельно докладывает лично товарищу Сталину. Даже Игнатьев не в курсе. Информацию собираем по крупицам. Врачи потекли, Майрановский потек, но что конкретно подписал, неизвестно. Рюмин их сам пытается, — скороговоркой, торопясь, оправдывался Гоглидзе.

— Серго, мы с тобой дружим почти двадцать лет. Дружья должны понимать друг друга. Ты замминистра государственной безопасности. У тебя свой начальник, — прервал его Берия.

— Вы же знаете, что у меня только один руководитель, — спохватился генерал.

— Я ценю преданность. Но сегодня одной преданности мало. Должна быть воля. Многие решили, что Хозяин спекся. Но проблема не в этом. Проблема в том, что Сталин считает, что так решили все. Мы стоим на пороге новой грандиозной чистки. Члены Президиума ЦК — это завтрашние покойники. Через неделю на съезде он хочет избавиться от Молотова и Микояна. Хозяин полагает, что они наименее одиозны, поэтому могут стать точкой опоры для новой оппозиции, которая будет удобна и нашим, и Западу. Потом он должен будет ослабить Маленкова, не выводя его из игры, чтобы было кому нам противостоять. Затем срежет Хруща. Усилятся новыми людьми, сделает ставку на вояк, например на Конева и Тимошенко, а потом и нас, обескровленных, поволокут на плаху. — Берия вздохнул.

— Я не совсем понимаю... — промямлил Гоглидзе.

— Хозяин стар, но уходить не хочет. Он задумал победить смерть. Мы для него лишь

грустное напоминание об уходящей эпохе. Я хорошо помню, как он был одержим идеей вечной молодости. Сначала Каммерер — этот аферист, промышленявший вампиризмом. Потом профессор Богданов, предложивший Сталину омолаживаться переливанием юношеской крови. Вождь даже денег дал ему на целый институт. Этот ученый идиот настолько уверовал в свое открытие, что ставил опыты на себе. В свой пятьдесят шестой день рождения он влил в себя кровь студента, страдающего туберкулезом. Решил, что если организм таким образом столкнется с болезнью, то вырабатывает мощнейший иммунитет. Ну и через месяц отошел в мир иной.

— С туберкулезом шутки плохи, — прокашлял в кулак Гоглидзе.

— Самое смешное, что туберкулез оказался ни при чем. Как впоследствии выяснилось, профессор Богданов умер из-за резус-несовместимости. На тот момент наука знала только о существовании групп крови А и В, остальные открыли только через двенадцать лет. Потом у Сталина появился еще один воскреситель — академик Богомолец, Сан Саныч. Этот хитрый хохол пообещал Иосифу создать эликсир молодости и получил под свои авансы бессчетное финансирование, Сталинскую премию, Героя соцтруда, кресло вице-президента Академии наук и директора Института геронтологии. Наобещал Сталину жизнь вечную, а сам потом возьми и умри в шестьдесят пять лет. Коба тогда мрачно пошутил: «Обещал обмануть смерть, а надул всех нас». Тогда тему засекретили, теперь за успех соревнуется пара НИИ. О результатах Сталину докладывает Ефим

Смирнов, но поскольку результатов нет, то Ефима Ивановича в ближайшее время подчистят.

— А при чем здесь зачистка членов ЦК? — решил обнаружить свою недогадливость Гоглидзе.

— Я же говорю, мы напоминаем о старости, среди равных — вторые, рвущиеся в первые. Сталин считает, что между ним и его соратниками должна быть пропасть непреодолимой глубины. А если между диктатором и министром расстояние сократилось до дружеского рукопожатия, то министру пора рубить голову. Что он периодически и проделывает с героями партии. Мы стали дружеской обузой, и настало время поменять нас на трепетную молодость, для которой Иосиф Виссарионович не состарившийся Коба, а Великий Сталин, непреклонный, неутомимый, не ошибающийся. Косыгин, Громыко, Устинов — вот кого он готовит нам на смену. Хозяин хочет вручить им знамя Советской державы, а у них дрожат руки. Поэтому ему нужны отморозки типа Рюмина, готовые выполнить последний приказ вождя.

— Мнительность Хозяина слишком опасна, — осторожно подхватил мысль шефа Гоглидзе.

— Как опасна, так и спасительна. Любая угроза — это возможность, а любая возможность — это угроза, — прищурился маршал. — Старческая мнительность слепа и безумна, она обрушивается в первую очередь на самых близких и верных. Мнительность не столь безжалостна к врагам, сколь беспощадна к друзьям. Чего стоит опала Коли Власика, который с двадцать седьмого года возглавлял личную охрану Самого. Даже

у меня нет такого преданного человека, каким был для Хозяина Власик.

— Зря вы так, Лаврентий Павлович! — обиделся Гоглидзе.

— Не обижайся, Серго. Преданность Власика, Поскребышева, Рюмина иррациональна и глупа. Они, словно гимназистки, влюблены в нашего деда. Чем человек глупее, тем вернее. И чем больше таких унижают, тем безумнее и безграничнее становится их верность.

— Бьет — значит любит, — через силу выдавил подобие улыбки Гоглидзе.

— У Поскребышева жена была, смазливая такая, шустрая евреечка. Я в тридцать девятом сначала арестовал ее брата, потом отдал на резолюцию Сталину ордер на арест самой Брониславы Соломоновны. Вызвал тогда вождь своего секретаря и говорит: «Поскольку органы НКВД считают необходимым арест вашей жены, то так и должно быть». Ну, Поскребышев в полубморозе, еле стоит. Не знает, что и сказать. А Сталин смеется ему в глаза: «В чем дело? Не переживай! Если баба нужна, мы тебе новую найдем». В сорок первом мы ее расстреляли. Я как ни приду к Иосифу, так Поскребышев двери бежит открывать, заискивает, словно бесконечно благодарен. Сам дрожит, ненавидит, но за Сталина жизнь отдаст.

— А наш Семен Михайлович! — Вино, усердно разливаемое по бокалам, растворяло субординацию даже у Гоглидзе.

— Товарищ Буденный — героический маршал, полный георгиевский кавалер... Он под пули ходил чаще, чем мы с тобой по бабам. А как на жену его

возбудились, так сам же ее на Лубянку и отвез. Красивая сучка, кстати, солистка Большого с прекрасным контральто. — Берия вожделенно причмокнул. — Сдал, так сказать, с рук на руки. Я ее и принимал тогда. «Оля, — сопровождал ее Семен Михайлович, — ты не волнуйся. Так надо. Товарищи во всем разберутся. Я позабочусь». Позаботился! До сих пор по лагерям песни поет.

Берия нажал на кнопку, распорядился подавать второе. Через минуту в гостиную внесли перепелов, фаршированных печенкой с коньяком.

— Давай, Серго, под горячее. — Берия освежил бокалы. — Короче, Поскребышева надо убить и Власика тоже.

— Лаврентий Павлович, так с Власиком все уже порешали. От Сталина отлучили, он уже полгода как замначлага в Асбесте. Двадцать пять лет охранял отца народов, нынче его врагов сторожит. Вы с юмором подошли к Николаю Сидоровичу.

— В такой игре, дорогой Серго, полумеры опасны. Хозяин в любой момент заскучает, засентиментальничает и вернет из опалы любимого пса. С Власиком надо кончать раз и навсегда.

— Здесь многое зависит от министра...

— А все должно зависеть от нас! — резко перебил маршал гостя. — Игнатьев хитер. Урок с Абакумовым усвоил прекрасно. Он будет до последнего формально предан Сталину, но продолжит держать с нами дружественный нейтралитет — что-то не поймет, что-то не расслышит. Его правая рука не будет знать, что делает левая. Игнатьев всегда подставит плечо сильному, но и первый затопчет, если тот оступится.

— Игнатъев опасен. На контакт идет плохо, мне порой неделю приходится ждать, чтобы попасть к нему на прием, а ведь я его первый зам, — пожаловался Гоглидзе.

— Ты не понимаешь, Серго, что от Игнатьева может быть больше пользы, чем от Абакумова. Умный враг полезнее преданного идиота. Он человек Маленкова, а с Жорой мы договоримся. Пятого октября откроется съезд, Сталин готовит сюрприз, пробу сил, предварительную зачистку, добьет Молотова и Микояна. Кстати, что там с супругой нашей «каменной жопы»?

— В ссылке в Казахстане Полина Жемчужина. Нормальные условия, помогаем. Она молодцом держится, ничего не просит.

— Баба стойкая, не совсем хорошо с ней получилось. Охаяли на весь свет, хоть и заслуженно. Здесь ее не хватает.

Маршал замолчал, пережидая, пока подадут чай. Берияпил крепкий с лимоном, на сталинский манер.

— А эту тварь Рюмина надо убирать немедленно. Еще месяц его работы, и мы все пойдем вслед за Абакумовым. Думаю, Рюмин уже получил показания от Майрановского и Эйтингона.

— Допускаю, что Майрановский мог поплыть, но Эйтингон станет держаться до конца. Наум Исакович — разведчик крепкий. А Рюмина убрать сложно. Как-никак любимчик и надежда Сталина.

— У Сталина была одна Надежда, и он ее пристрелил. Нет ничего более переменчивого, чем любовь вождя. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!» — Берия поднялся со стула, ознаменовав окончание обеда. — Серго,

делай что хочешь, но мне нужны материалы по Майрановскому, лаборатории и врачам. Где сейчас Судоплатов?

— В Киеве, Лаврентий Павлович.

— Вызывай его срочно. Он мне здесь нужен.

— Слушаюсь, товарищ Берия. — Вдохновленный энтузиазмом шефа, Гоглидзе взял под козырек и вышел из залы.

ГЛАВА 12

Кто считает пешки, когда король под ударом?

Приказав Саркисову готовить выезд, Берия ушел к себе. Со второго раза завязав галстук нужной длины, он затянул широкий узел на шее.

Лаврентий Павлович старался не отставать от европейской моды. Из Англии доставлялись новые коллекции костюмов, по лекалам которых личный портной маршала товарищ Фурман шил для него гардероб.

Кортеж Берии состоял из трех гоновских¹ машин, но Лаврентий Павлович то ли из скромности, то ли лишний раз не хотел раздражать Сталина, не любившего вооруженной свиты своего соратника, старался довольствоваться двумя ЗИСами. Охрана, находившаяся в хвостовой машине, передвигалась на ЗИС-110, сам Берия — на ЗИС-115, который отличался от предшественника капсульной броней и повышенной мощностью. На таком же автомобиле

¹ ГОН — гараж особого назначения.

передвигался и Сталин, не тяготевший к роскоши мирового автопрома, как его вождь и учитель¹.

Лаврентий Павлович смотрел на осеннюю Москву сквозь толстые, с кулак, силикатные стекла, которые никогда не опускались. Саркисов сидел впереди, рядом с водителем. Все молчали.

Мысли возбуждали нервы. Берия лихорадочно мусолил шляпу, как Аладдин волшебную лампу. Его угнетало, что он не может рассчитать время до точки невозврата. Он пытался понять, когда ситуация вышла из-под контроля, когда ему, всесильному Берии, его партийному отряду неприкасаемых, сложилась оппозиция, готовая биться насмерть? Сколько раз он успокаивал себя, что бесстрашие врагов — всего лишь безумие, а безумцы всегда обречены. Берию многие считали авантюристом, но он никогда им не был. Каждая его операция или интрига отличалась тонким расчетом. Нанося удар, он всегда предвидел сокрушающую контратаку противника, но, точно рассчитав силы сторон, всякий раз выходил из схватки победителем.

¹ Вождь мирового пролетариата долгое время щеголял на «Роллс-Ройсе» Николая II, и в начале двадцатых пересадил всю партийную элиту на эти автомобили. В страну, изводимую массовыми убийствами и голодом, по приказу Ленина было поставлено семьдесят три роскошных лимузина. Спустя десять лет «чопорных англичан» заменили на «брутальных американцев». В 1935 году Рузвельт подарил Сталину бронированный «Паккард 12», уникальный в своем роде. На нем Иосиф Виссарионович проездил двенадцать лет, пока в 1947 году не пересел на бронированный лимузин ЗИС-115, исполненный на базе «Паккарда 180». Броневик весил пять тонн, его тянули сто шестьдесят две лошадиные силы.

Даже в мятежной юности Лаврик никогда не метил в вожди. Не трибун и не мыслитель, всего лишь дерзкий грузин с мутной биографией. До середины тридцатых партийные бонзы — мастера революционной фразы, объятые народной славой, — видели в плюгавом кичливом товарище с южных окраин лишь выскочку, мелкого энкавэдэшного карьериста. Сколько таких сломали себе ноги, не сделав и трех шагов. Но Берия не споткнулся, он просто перешагивал через трупы тех, кто имел неосторожность его недооценивать. При этом Лаврентий Павлович никогда не был одержим властью, он всегда оказывался на ступеньку ниже, чем того заслуживал, и этим не тяготился. Наверное, поэтому вожди так близко подпускали его к себе, видя в нем воплощение самых фантастических идей и не опасаясь конкуренции.

Плешивый, подслеповатый горец никак не мог претендовать даже на роль Председателя советского правительства. Так считал и сам Берия, пока в его руках не сосредоточилось все могущество Красной империи.

К концу 1945 года Лаврентий Павлович, держа в ножнах ядерный меч и управляя всемогущей разведслужбой, вдруг осознал себя хозяином мира. Он мог уничтожить любого президента, разгромить любую армию, накрыть ядерным грибом любую державу. Но на родине Берия чувствовал себя Золушкой, в ком соратники видели лишь ломовую лошадь, готовые ее пристрелить, когда надорвется.

Будучи великолепным стратегом, Лаврентий Павлович понимал, что его звезда на Спасской башне зажжется только со смертью Хозяина. Идти

в открытую против «друга Кобы» равносильно самоубийству. Оставалось не ждать, но готовиться, избавляясь или подминая под себя претендентов на советский престол.

Яд и кинжал — самые надежные союзники в борьбе за власть. Прагматизм Лаврентия Павловича стоял выше всех идеологических и национальных предрассудков. На передовой политической борьбы ему не нужны были собственные убеждения, он вполне довольствовался идеями Сталина. Когда в начале 1942 года чуть не потерявший Москву Верховный главнокомандующий предложил мобилизовать еврейскую интеллигенцию, которая расплзлась по тылам от Куйбышева до Ташкента, Берия в сем замысле разглядел сверхзадачу. Идея Сталина была проста — собрать всех выдающихся и околывыдающихся советских евреев в финансово-политическое гетто, заставив их кланчить деньги на борьбу с фашизмом у своих иностранных братьев. НКВД в кратчайшие сроки организовал при главном пропагандистском рупоре страны Еврейский антифашистский комитет. Курировать новорожденный комитет поручили старому большевику Соломону Лозовскому, а лицом и главным переговорщиком с еврейским миром стал худрук Московского государственного еврейского театра Соломон Вовси, известный под псевдонимом Михоэлс, чей двоюродный брат Меер Вовси служил главным терапевтом Советской армии.

Михоэлс с поставленной задачей справился успешно. Крупнейшая мировая организация по защите евреев «Джойнт», основанная в Америке, наладила потоки денег, оборудования, машин, ору-

жия, медикаментов и еды в Советское государство. Именно по мировой еврейской линии организовали помощь в рамках ленд-лиза. Однако международное еврейство не ставило во главу угла защиту своих собратьев от нацизма, тем более что к концу 1942 года судьба Германии была предрешена. Дружба евреев и Сталина явилась скорее сделкой, нежели актом безвозмездного гуманизма. За поддержку Иосиф Виссарионович обещал отдать под еврейскую автономию весь Крым, где потомкам Моисея уже мерещилось независимое национальное государство — воплощение мечты, к которой они шли два тысячелетия.

Вчерашний режиссер маленького театра Михоэлс вдруг почувствовал, что одалживает самого Сталина. Единоверцы не без гордости за глаза звали Михоэлса советским Шейлоком, ссудившим отцу народов миллиарды долларов под залог обетованной приморской земли. В создании ЕАК передовой еврейский класс увидел возрождение БУНДа — националистической партии еврейского народа, которой отводилась славная роль спасителя всех советских граждан.

Естественно, что «посланцы мира», которые отправлялись на забугорную паперть, тут же вербовались ЦРУ и МИ-6. Но «фирма Берии» к такому повороту оказалась готова. В кратчайший срок практически все члены Еврейского антифашистского комитета стали «добровольными» информаторами НКВД. Люди Берии не могли найти подхода лишь к некоторым, в том числе к самому Михоэлсу, запросто навещавшему самого Сталина. Поэтому вербовать Соломона не решались. Дер-